

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
НА ПЕПЕЛИЩЕ
РОССИИ**



Политические расследования

Сергей Кара-Мурза

**Потерянный разум.
Интеллигенция на
пепелище России**

«Алисторус»

2005

Кара-Мурза С. Г.

Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России /
С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2005 — (Политические
расследования)

Автор этой книги, известный писатель и публицист С.Г. Кара-Мурза рассуждает о состоянии современного российского общества. Как он пишет, тяжелый кризис в России выразился в глубоком поражении общественного сознания, в нарушении логики и способности «измерять» социальные явления. Бригада либеральных интеллектуалов выработала небывалый стиль рассуждений. Благодаря СМИ он был навязан обществу и стал инструментом для разрушения массового сознания, его шизофренизации. Трудно представить, чтобы когда либо еще в нашей истории был период такого массового оглушения, такого резкого падения уровня умственной работы. Книга содержит глубокий анализ всех этих явлений и намечает пути преодоления духовного кризиса.

© Кара-Мурза С. Г., 2005

© Алисторус, 2005

Содержание

Введение	5
Глава 1 Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления	11
Глава 2 Склонность к гипостазированию	23
Глава 3 Учебные примеры гипостазирования: свобода, демократия, гласность	30
Глава 4 Учебные примеры гипостазирования: общечеловеческие ценности	45
Глава 5 Некогерентность рассуждений и умозаключений	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России

Введение

В 1992 г., еще в дыму и грохоте разрушения, я написал книжку «Интеллигенция на пепелище России». О том, как, начиная с 60-х годов, вызревали главные идеи перестройки в умах честной и бескорыстной части нашей интеллектуальной элиты – и что оказалось на поверку, когда этот ее проект начал воплощаться в жизнь. Пусть пока лишь в основных его чертах – но они проявились тогда уже вполне определенно. Потом эта книга переиздавалась, поменьше в ней стало эмоций, побольше размышлений, но главного изменять не пришлось. И в Курган-Тюбе, и в Грозном, и в Сухуми – везде лишь догорало то, что подожгли в 1990–1991 гг. Что же менять?

Сейчас уже задубели чувства – молодой предприниматель бесстрастно смотрит, как старик, его бывший учитель, копается в мусоре. А в 1993 г. это было еще в диковинку, и другой молодой предприниматель при этом же зрелище заплакал, а потом с ним была истерика. Был такой эпизод, и видно, что мы не стоим на месте, меняемся. Как говорится, реформа на марше.

Что будет еще через десять лет – посмотрим. Те, кто доживет. А сегодня надо воспользоваться тем редким моментом, что все мы зажали чувства в кулак и можем взглянуть в недавнее прошлое хладнокровно, как математики. Подвести дебет-кредит, пощелкать костяшками счетов. Пятнадцать лет! С чем подошли к юбилею эти наши интеллектуальные легионы анти-советской революции?

Как известно, революция – праздник угнетенных. В данном случае – каких же угнетенных праздник? Партийной номенклатуры вроде Е.Гайдара и А.Н.Яковлева, части художественной элиты, и воров. Одних угнетала уравнилельная советская идеология, других цензура, запрещавшая показывать на сцене голый зад, третьих – Уголовный кодекс РСФСР. Все они радуются сегодня вполне здраво и разумно. Но за ними стоят миллионы тех, кто составлял нашу «трудовую интеллигенцию». Именно она подняла на своих плечах и посадила нам на шею Гайдара под ручку с Боннэр и Абрамовичем.

Когда я писал книгу «Интеллигенция на пепелище России», я как будто непрерывно разговаривал с множеством своих друзей и знакомых – честных и хороших людей, интеллигентов, которые с энтузиазмом поддержали перестройку. Я предложил моему воображаемому собеседнику-интеллигенту вспомнить главные постулаты перестройки и реформы. То есть те главные благородные цели, которые вынашивала интеллигенция, поддержавшая переворот. Я предложил *назвать* эти цели-постулаты – а потом честно оглянуться вокруг и сказать вслух, что же произошло с каждым постулатом в действительности. Ведь если произошло нечто противоположное, то, значит, ты или трагически ошибся – или тебя обманули самым ужасным образом. Ты должен предупреждать людей. Остановитесь, тут или ошибка, или обман!

В той книжке мне не приходилось изощряться – все идеи перестройки были еще у всех на языке, все они были заявлены открыто. Более того, они с самого начала 60-х годов буквально вынашивались в кухонных дебатах, у костра в экспедиции, за чаем в лаборатории. Тут спорить было не о чем, все знали, чего желала интеллигенция. А что получилось, у каждого было перед носом, не приходилось ни в статистике копать, ни данные социологов изучать. Так что проблема была только в том, чтобы взглянуть в лицо правде и сказать вслух и честно, что мы видим и как это соотносится с тем, к чему призывали народ. А потом уже делать лич-

ный выбор: или ты признаешь ошибку, совершенную по твоей глупости, и рвешь с программой «реформаторов» – или продолжаешь с ними идти. Обе позиции можно понять, а первую даже приветствовать. Но и вторая позиция – дело житейское, у многих своя рубашка ближе к телу.

Патологией является третий путь: и ужасную действительность видишь, и ее дикое расхождение с увлекшими тебя лозунгами видишь, и косточки тебе никакой не кинули – а ты все равно идешь за Хакамадой или Слиской и кричишь: «Я требую приватизации земли и жилищно-коммунальной реформы!» А ведь таких у нас много!

Эта новая книга – продолжение того разговора. Но не по всему кругу поднятых тогда вопросов, а по одной более узкой теме, которая, однако, прямо касается всех интеллигентов, всех людей умственного труда. Речь идет о том, что произошло в ходе перестройки и реформы с той частью нашей духовной сферы, которую можно обозначить общим понятием *рациональное сознание*.

Разум и мышление человека – едва ли не главная проблема философии. В XX веке она стала актуальной в практическом и конкретном плане, как проблема рациональности, ее границ, устойчивости и сбоев, отказов. Все виднейшие философы последнего столетия под разными углами зрения рассматривали эту проблему. Объясняется это тем, что индустриальная цивилизация, интеллектуальные основы которой были заложены Просвещением и Научной революцией, сформировалась именно как цивилизация рациональная, взявшая за матрицу познания, образования, мышления и общения научный метод. Будучи во все времена одним из «формообразующих принципов» жизни человека, в последние столетия рациональность вышла на первый план, оттеснив иные способы осмысления мира (например, религию, традицию или художественное чувство).

Однако в XX веке индустриальная цивилизация втягивается в глубокий кризис, одним из проявлений которого стали частые и массовые отказы и срывы рационального сознания, а также поразительная незащитность массового сознания против манипуляции. Говорят даже, что одним из главных противоречий человеческого общества является столкновение иррационального с рациональным. История XX века показала это самым драматическим образом. Труднопостижимым случаем отказа рациональности стал соблазн фашизма, которому поддавался очень разумный и рассудительный народ. Без таких чудовищных проявлений, но сходным по глубине спада рациональности случаем можно считать катастрофу СССР-России.

Об этом отказе и будет идти речь в данной книге. Сейчас, после 15 лет наблюдений, мы можем дать хотя бы описание этого странного кризиса в сознании нашего большого культурного народа. Описание еще не есть объяснение и тем более не предписание курса лечения. Но оно – необходимый шаг на этом пути. В описании уже есть ростки гипотез и первое упорядочение того потока больших и малых явлений в сфере сознания, который всех нас омывает.

Очертим контуры нашего объекта. О какой рациональности будет идти речь? Философы грызут эту тему с разных сторон – в книге 1986 г. дано 21 определение рациональности разных типов (обзор темы дает П.П.Гайденко¹). Нам весь этот спектр не нужен, мы будем говорить о той рациональности, которая по своему «размеру» соизмерима с самыми жгучими вопросами, что ставит перед нами наш нынешний кризис. Это «рациональность для нашей жизни».

Более того, мы будем говорить о той рациональности, которая соответствует принципу «живи и давай жить другим». То есть о рациональности «для жизни народа». Это важная оговорка, потому что как только заводишь речь о том, что важные утверждения, скажем, Горбачева или Ельцина неадекватны нормам рациональности, на это обычно следует ответ: а у них своя рациональность. А дальше следуют уточнения в зависимости от политической позиции. Патриот скажет, что Горбачев хотел развалить СССР и действовал рационально, либерал-западник скажет, что Горбачев хотел уничтожить империю зла и действовал рационально. Но мы не будем говорить о скрытых целях и «читать в сердцах», мы говорим о рассуждениях, которым поверили люди. А говорили нам об «ускорении», о свободе и социальной справед-

ливости, о расцвете культуры и науки, о богатых советских фермерах на тракторах с кондиционированным воздухом – вот в этих интеллектуальных конструкциях концы с концами не вязались. А большинство этого не заметило и пошло за Горбачевым, а потом за Ельциным. Об этом и будет речь.

Кроме того, в той «рациональности для жизни», о которой будет идти речь, мы учитываем временной диапазон. Будем считать рациональными те рассуждения и решения, которые позволяют народу обеспечить себе *долгую* жизнь. Поэтому хитрость соблазнительей, диверсантов и расхитителей народной собственности, позволяющая им достигнуть своих целей, нас интересовать не будет. Да, ее можно признать рациональностью, но специфической рациональностью паразита – пусть ее изучают криминалисты, мы ее учтем, но говорить будем о главном массиве.

Возьму из обзора П.П.Гайденко то, что прямо относится к материалу книги. Кант в своем подходе к проблеме выделил три уровня познания и осмысления: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления».

Рассудок, в его схеме, организует опыт посредством правил, а разум организует добротный сырой материал, обработанный рассудком – «сводит многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов». В этой книге мы не будем касаться чувств, а будем обсуждать работу рассудка и разума. Уровень рационального мышления, который нас интересует, это обработка исходного материала созерцания реальности рассудком и последующее действие разума, приводящее к принципиальным выводам. В этих операциях и происходит больше всего сбоев и отказов.

Кант различает два «среза» в применении разума – формальный (логический) и реальный (трансцендентальный). При логическом применении разума используется его способность производить *умозаключения*, делать конкретные выводы. Реальное применение использует способность разума производить понятия высокого уровня, рождать трансцендентальные идеи, высшие принципы.

Мы будем в этой книге говорить о более простой вещи – формальном, логическом применении разума. Конечно, трансцендентальные идеи можно высказывать и вопреки логике и ясным умозаключениям – так и поступают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве, а нас сейчас интересует именно мышление нас самих и наших близких людей, граждан нашего отечества, с которыми мы все вместе переживаем трудные времена.

В реальной жизни, тем более в условиях кризиса, мы не имеем времени и сил для того, чтобы делать сложные многоступенчатые умозаключения по большинству вопросов, с которыми сталкиваемся и по которым должны определить свою позицию. Как же мы справляемся с этой задачей? С помощью *интуиции* и *здорового смысла*. И то и другое – инструменты рациональности. С интуицией, однако, многое неясно, да и в тех жизненных ситуациях, о которых идет речь в книге, вполне можно обходиться без неуловимых предчувствий и гениальных прозрений. Достаточно у нас для принятия разумных решений и информации, и опыта. Так что главное подспорье логическим рассуждениям и умозаключениям в нашей жизни сейчас – *здоровый смысл*. Проблема его применения или его отказа также составляет предмет данной книги.

Судя по многим обсуждениям, в среде высокообразованных людей здравый смысл ценится невысоко, они ставят его куда ниже, чем развитые в науке приемы теоретического знания. Возможно, в благополучные времена такое их отношение и может быть оправдано, но в условиях той неопределенности, которую порождает кризис, роль здравого смысла, на мой взгляд, резко возрастает. В условиях кризиса у нас мал запас прочности, очень слабые тылы, а значит, мы вынуждены в нашей стратегии ориентироваться не на максимизацию выгоды, а

на минимизацию ущерба. Теоретическое научное знание может привести к блестящему, наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу – если из-за недостатка средств (информации, времени и пр.) человек привлеч негодную для данного случая теорию. Здравый смысл не настроен на выработку блестящих, оригинальных решений, но он надежно предохраняет против *наихудших* решений. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Когда научное мышление стало теснить и принижать здравый смысл, на его защиту выступили философы разных направлений (например, А.Бергсон и А.Грамши). Приведу несколько замечаний А.Бергсона, которые кажутся созвучными тому пониманию здравого смысла, из которого я исходил в этой книге.

Он говорит перед студентами, победителями университетского конкурса, в 1895 г.: «Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни – то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается; ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здравом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию. Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл взывает к воле, а в практической – к разуму»².

Итак, вот главные блоки той рациональности, о которой будет идти речь: здравый смысл, рассудок и разум в его формальном, логическом применении. Таким образом, рациональность в нашем обсуждении будет выступать прежде всего как метод, «технология» мышления, а не как *содержание* идей, позиций и установок.

В своем обзоре П.П.Гайденок излагает такую трактовку понятия рациональности, которую развивает в своих трудах К.Хюбнер.

Он выделяет четыре составляющих рациональности: логическую, эмпирическую, оперативную и нормативную. Все они действуют независимо от содержания. Хюбнер пишет: «Рациональность выступает всегда в одинаковой форме, а именно: *семантически* – как тождественное фиксирование правил определенного смыслового содержания (в чем бы оно ни состояло); *эмпирически* – как применение всегда одинаковых правил объяснения (к чему бы они не относились); *логически-оперативно* – как применение расчета (калькуляции) (как бы его ни истолковывать); *нормативно* – как сведение целей и норм к другим целям и нормам (какое бы содержание в них ни вкладывалось). Рациональность, следовательно, есть нечто *формальное*. Она относится только к уже положенному содержанию»³. Примерно в этом смысле и применяется понятие рациональности в книге.

События, способ осмысления которых обсуждается в книге, разыгрываются как драма нашего народа. По отношению к этой драме наш народ в существенной мере оказался раско-

лот. Сам я не принял и не принимаю того изменения всего нашего жизнеустройства, которое со скрипом и массовыми страданиями пытаются совершить в течение вот уже почти двадцати лет. В книге я делаю упреки, часто резкие, той части нашего общества, прежде всего высокообразованной части, которая поддержала это изменение (реформу). Но эти упреки совершенно не касаются *содержания* позиции этих людей, их ценностей или веры. Главная мысль книги заключается в том, что в своих рассуждениях, обобщениях и выводах эта часть нашей интеллигенции (назовем ее условно «либеральная интеллигенция») допустила целый ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные практические решения.

Причиной этих ошибок было нарушение важнейших норм рациональности. Однако вместо рефлексии, анализа этих ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, произошел срыв и возник порочный круг: эти ошибки побудили к дальнейшему и радикальному отходу от норм рациональности, в результате чего общество погрузилось в тяжелейший кризис. Если бы наша либеральная интеллигенция, исходя из тех же постулатов (содержания своей веры и своих ценностей) вела свои рассуждения согласно правилам и нормам здравого смысла и логического мышления, сверяла бы каждый промежуточный вывод с реальностью, анализировала ошибки, допущенные на предыдущем шаге, то мы могли бы избежать фатальных ошибок и найти разумный компромисс между идеалами и интересами разных частей общества. Избежать нынешних страданий было возможно.

Конечно, отделение инструментальной, технологической части рациональности от содержательной – задача непростая. Когда речь идет о социальной драме, трудно остаться беспристрастным и не привнести в описание конкретных событий своих оценок, не затронуть содержания постулатов и выводов тех, кто, на мой взгляд, допустил ошибки в технике мышления. Но в принципе такой подход к рациональности правомерен, и если читателю предлагаемые в книге «учебные задачи» покажутся полезными, он сможет «отфильтровать» эмоции и идеалы.

Мы должны, наконец, временные координаты той рациональности, о которой ведем речь. Существовала ли она всегда как данное природой свойство человеческого разума – или возникла в конкретный исторический момент? Насколько мы знаем из истории психологии сознания, эта рациональность существовала не всегда. Она порождена Научной революцией, а затем большой программой Просвещения – в XVI–XVIII веках в Европе. Это особый тип рациональности – «рациональность Просвещения». До этого нормы рациональности задавались структурами мифологического и религиозного мирозерцания, а в ходе Просвещения господствовать в сознании образованной части общества стали нормы познания, мышления и объяснения, разработанные в лоне *науки*. Пралогический тип мышления, при котором люди видели в явлениях окружающей жизни мистическое действие потусторонних или земных сил, сменился (хотя и не полностью) мышлением логическим, с выявлением причинно-следственных связей и построением связных *умозаключений*.

Логичное мышление – сравнительно недавний продукт культурной эволюции человека. Ницше писал: «Величайший прогресс, которого достигли люди, состоит в том, что они учатся правильно умозаключать. Это вовсе не есть нечто естественное, как предполагает Шопенгауэр, а лишь поздно приобретенное и еще теперь не является господствующим».

Навыки умозаключений люди приобретают частью стихийно – через чтение и общение друг с другом, но главное, этим навыкам стали учить в школе и университете, как умениям любого другого мастерства.

Однако Просвещение было не просто усовершенствованием существовавших до него способов употребления разума. Это был большой проект, имевший идеальные цели и ставящий перед обществом и человеком большие задачи. Этот проект во многом определил ход развития индустриальной цивилизации и судьбы мира.

Что касается *содержания* этого проекта, то не все идеи, положенные в его основание, оказались верными. Некоторые очень важные установки Просвещения оказались несовместимы с представлениями о мире и человеке, сложившимися в незападных культурах. Например, гуманизм Просвещения, представляющий человека свободным изолированным индивидом («атомом»), несовместим с пониманием человека в русской культуре («соборная личность»). Здесь об этом нет смысла говорить, ибо наша тема – не содержание различных частей проекта и идеологии Просвещения, а выработанная им рациональность, «технология» применения разума.

Стоит только, пожалуй, заметить, что эта «технология», став частью идеологии, испытала на себе и негативное воздействие последней (как это произошло и с наукой). Поэтому, воспринимая рациональность Просвещения как метод, интеллигенция России должна была тщательно отфильтровывать идеологические компоненты *рационализма*. Они заключались в абсолютизации разума, в подавлении ряда важных средств познания – рациональных, но «неявных» (таких, как, например, традиция и здравый смысл), в устранении того контроля, которым для рационального сознания служат нравственные ценности. А главное, для нас была неприемлема абсолютизация того разума, который на деле отражал мировоззрение и интересы господствующего меньшинства (конкретно – *буржуазии*), скрывала социальные противоречия и конфликты интересов – и доводила их до революций и войн.

Это давление идеологии Просвещения уже на ранних стадиях развития западной цивилизации послужило источником тяжелых кризисов, а для незападных культур и народов – и причиной катастроф. Об одном таком кризисе рационализма пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Мы видели, каким образом подготовлявшие революцию французские философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали установления разумного государства, разумного общества, требовали безжалостного устранения всего того, что противоречит вечному разуму. Мы видели также, что этот вечный разум был в действительности лишь идеализированным рассудком среднего бюргера, как раз в то время развивавшегося в буржуа.

И вот, когда французская революция воплотила в действительность это общество разума и это государство разума, то новые учреждения оказались, при всей своей рациональности по сравнению с предыдущим строем, отнюдь не абсолютно разумными. Государство разума потерпело полное крушение. Общественный договор Руссо нашел свое осуществление во время террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а в конце концов под крылом наполеоновского деспотизма. Обещанный вечный мир превратился в бесконечную вереницу завоевательных войн»⁴.

Понятно, что абсолютизация разума как «единственного судьи» в сложной реальности общественной жизни в любом обществе ведет к тяжелым кризисам, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что прямая предпосылка к кризису создается из-за того, что эта абсолютизация, продукт идеологии, ведет к «порче» инструментов рациональности. А это и позволяет господствующему меньшинству навязывать решения, отвечающие его скрытым интересам и оплачиваемые кровью и страданиями большинства, потерявшего способность к рациональным умозаключениям.

Глава 1 Интеллигенция в перестройке: отход от норм рационального мышления

В истории бывали периоды *смут*, когда элита стран даже с высокой культурой вдруг впадала в состояние интеллектуальной патологии. В сознании как будто «портились» инструменты логических рассуждений, терялись навыки выявления причинно-следственных связей, проверки качества собственных умозаключений. Люди переставали различать главные категории, употребляемые в ходе принятия решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они с трудом могли разумно применить *меру* – прикинуть в уме «вес» разных явлений, масштаб проблемы и наличных ресурсов для ее решения.

Советский период, в течение которого основанное на научном методе школьное образование охватило все общество, означал огромный шаг к тому, чтобы рациональное сознание и нормы Просвещения овладели массовым обыденным сознанием. Этот процесс был сорван перестройкой и реформой, а потом произошел быстрый откат, архаизация сознания.

Конечно, аналогичные процессы наблюдаются и на Западе. Там это уклончиво называют *постмодернизмом* – мягким и постепенным отходом от норм Просвещения, лежавших в основе рациональности индустриальной цивилизации. В России же альтернативный Западу проект, берущий начало в Просвещении, был в развитой форме представлен в советском строе, а он потерпел поражение в «холодной войне». Культурное ядро «побежденного» проекта разрушалось радикально, с огромным перебором, и его обломки не укладываются даже в структуры постмодерна – мы имеем просто *антимодерн*, регресс вплоть до мышления дологического, шаманского типа.

Есть и другой внешний фактор, углубляющий наш кризис. Во время стратегического противостояния с блоком США советское руководство, идеологическая система СССР, а за ними и общество в целом, мыслили и рассуждали «по-своему». Им не приходилось подлаживаться к своему противнику и имитировать его – напротив, образ мысли, слова и дела должны были быть *альтернативой*. Уже в годы перестройки началась «конвергенция», наша правящая элита и СМИ стали «учиться» у элиты и СМИ США, подражать им. При этом мы «заразились» многими вещами, не имея того иммунитета или противоядий, которыми обладает элита США, культивирующая у себя эти болезни вполне сознательно, как средство *манипуляции сознанием*.

Это прямо относится к рациональности. Во второй половине XX века манипуляция сознанием стала одним из важнейших средств господства США и внутри страны, и во внешней политике. Для нее выработаны изощренные, разработанные в лабораториях технологии. Часть этих технологий имеет в прямом смысле слова характер боевых средств, они применяются в психологической войне. Одним из таких средств является, как это ни парадоксально звучит, *сознательная иррациональность*. Этот инструмент политического постмодерна уже стал фактором роста напряженности в мире, в том числе в сфере сознания.

Н.Хомский обращает внимание на эти установки, предложенные в исследовании Стратегического командования США в 1995 г. и вошедшие в «Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны»⁵. Авторы исследования считают, что США должны использовать свой ядерный потенциал, чтобы «в случае, если их жизненно важные интересы поставлены под угрозу, выставить себя в роли иррациональной и мстительной страны». Как сказано, «это должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам... Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным – значит оскорблять себя... Тот факт, что некоторые элементы [американской государственной машины] могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только все-

лит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады».

Эта доктрина родилась не после холодной войны. Н.Хомский пишет: «Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле»⁶.

Правда, и советники Никсона не оригинальны. По словам Н.Хомского, эта концепция была принята уже в середине 50-х годов в Израиле правящей Партией труда, лидеры которой «проповедовали необходимость актов безумия», что отмечал в своем дневнике премьер-министр Моше Шаретт.

Самое опасное здесь в том, что, как отмечено во всех исследованиях манипуляции сознанием, со временем и сами манипуляторы подпадают под действие самих технологий, и их сознание действительно деформируется. Маска «сумасшедшего с бритвою в руке» все сильнее влияет на тип мышления. Еще сильнее это сказывается на тех, кто учится у этих манипуляторов. Маска становится их лицом.

Много было уже сказано о том, какие «инструменты мышления» были злонамеренно испорчены манипуляторами во время перестройки и реформы. Это, прежде всего, язык – язык слов и чисел. Наш ум заполнили ложными именами, словами, смысл которых менялся и искажался до неузнаваемости. Говорили «демократия» и расстреливали парламент. Говорили «священная собственность» – и воровали сбережения целого народа, а потом и вообще все его достояние. Говорили «права человека» – и делали нас абсолютно беззащитными против подонков и хамов, захвативших деньги и власть. Когда важнейшие слова так испорчены, трудно тянуть мысль и трудно вести разговор.

Но испорчены были не только слова, но и фразы – словесные конструкции, передающие информацию и мысль. Речь ответственных людей в ответственный момент стала настолько невнятной и бессвязной, что за этим нетрудно было видеть отсутствие связной мысли. Эти люди или по каким-то причинам стремились речью замаскировать свои истинные мысли, или у них по каким-то причинам была утрачена способность вырабатывать связные мысли. Скорее всего, обе эти причины вошли в диалектическое взаимодействие и породили кооперативный эффект разрушения рациональности *мышления* и рациональности *сообщения*.

В связи с тем, как шло в Госдуме обсуждение одного из законопроектов, вызвавшего волнение в общества (замена льгот денежными компенсациями), В.Глазычев писал: «Так уж у нас повелось, начиная с и.о. премьера Гайдара, что власть выражает себя крайне невразумительно. Дело не столько в том, что Гайдар обладает не самой счастливой дикцией, сколько в его – и многих его коллег – убежденности, что птичий язык представляет собой высшую форму коммуникации. Черномырдин потратил все силы на вытеснение из речи ненормативной лексики, но, если не считать восхитительных афоризмов, внятностью говорения похвастаться не может. Кириенко говорил вроде бы понятно, но так быстро и так настойчиво, что уж только этим вызывал у слушателей подозрительность. Что бормотал про себя Примаков, понять было решительно невозможно – запомнилась лишь манера повторять окончания фраз по два раза, что убедительности речам не добавляет. Роскошный баритон Касьянова, напротив, порождал у слушателя столь сильное эстетическое переживание, что уловить смысл было трудно. Фрадкин говорить на публику только учиться. Слышит ли Миронов то, что сам же говорит, неясно. У Грызлова, Жукова, Грефа, Кудрина или Зурабова с дикцией порядок, но и только. Один лишь Фурсенко натурально, естественно внятен, но он погоды не делает. Один Чубайс способен говорить и жестко, и понятно, но он, отойдя от публичной политики, избрал молчание».

Он предложил, среди прочих, и такое материалистическое объяснение этому явлению: «Объективная противоречивость ситуации, помноженная на внутреннюю конфликтность целей и возведенная в квадрат за счет разногласия лоббистских устремлений множества

групп, не позволяет добиться структурности содержания каких бы то ни было программ. Отсутствие структурной цельности по сути неминуемо проявляется в форме изложения, что, кстати, наглядно отразилось в недавнем Послании президента»⁷.

Это объяснение отдает фатализмом: да, реформа создала хаос в реальности, с этим хаосом не справилось сознание, оно утратило способность вырабатывать связные мыслительные конструкции (умозаключения), чтобы эту реальность описать и осмыслить, и это выразилось в бессвязности изложения. Мы, мол, живем в таком сущем, которое неразумно, а потому и сами неразумны. Для публицистики это прием хороший, а на деле человеку для того и дан разум, чтобы овладевать хаосом реальности. И если в этом овладении мы сегодня несостоятельны, то именно потому, что в течение достаточно длительного времени наши инструменты мышления подвергались эрозии, порче.

Перестройка стала открытой фазой, этапом радикальной порчи, почти разрушения. О ней и будем говорить, имея в виду, что этой открытой фазе предшествовала довольно длительная предыстория. Парадокс в том, что перестройка шла под знаменем «интеллектуализации» общественной жизни, эпитеты *интеллигентный, компетентный, научный* стали тогда высшей похвалой – а на деле происходил странный и угрожающий процесс оглупления властной элиты. Быстро деградировала способность к рефлексии – умению проанализировать прежние решения, извлечь уроки из ошибок, сделать прогноз будущего.

Популярный тогда международный обозреватель А.Бовин в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высокопарно изрек, как комплимент перестройке, распространенную в то время мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Бовин не силен в методологии. Для мышления политика «тождественность с научным мышлением» звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, равнодушно к проблеме добра и зла. Оно лишь ищет истину, ответ на вопрос «что есть в действительности?» и не способно ответить на вопрос «как должно быть?». Напротив, мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом⁸.

Но ведь Бовин был не одинок в своем невежестве. Философ М.Горшков, директор бывшего ИМЭЛа – Института по изучению Маркса, Энгельса и Ленина (!) утверждал в «Независимой газете» (19.03.1992): «Единственный ориентир, которым должен руководствоваться независимый гуманитарий – это рационалистичность мышления, абсолютная научная объективность в анализе исследуемых им процессов и явлений».

Это уже нечто из ряда вон. Гуманитарий, в отличие от ученого-естественника, изучает *человека* и чисто *человеческие* проблемы. Это такой объект, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности, понятия о добре и зле. Когда такие попытки делались и человек превращался для экспериментатора в вещь, то этот экспериментатор как раз и утрачивал рациональность мышления. Такие случаи хорошо известны и из реальной истории науки, и из лабораторных психологических исследований⁹. А в русской культуре эта проблема была поставлена уже в середине XIX века и решалась одинаково и левыми философами, и либералами-западниками (обзор этой темы дан в книге Н.Бердяева «Русская идея», написанной в 1946 г.).

Поразительно, но этот поворот к рационализму не напугал нашу интеллигенцию, не предостерег ее, не отвратил от Горбачева. Ведь сказать, что политическое мышление новой власти *тождественно научному мышлению*, должно было послужить предупреждением. Так и получилось. Без всяких сомнений и душевных мук (и утратив рациональность мышления) устроили реформаторы губительный эксперимент над страной и равнодушно смотрели на страдания людей.

Для нас здесь важен тот факт, что уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе – но интеллигенция этого не видела, ее зрение было деформировано каким-то методологическим фильтром. Чем дальше люди от политики и идеологических схваток, тем легче им сохранить здравый смысл и логику, пусть и платя за это усилением тугодумия. Элита же составила главную «группу риска».

Предпосылки к этому известны – те категории истмата, в которые было надолго загнано мышление нашей интеллигенции, как и симметричные им категории либерализма, в которое наше мышление загоняют сегодня, представляли общество как арену борьбы *рациональных* интересов. Образованный слой мыслил в очень упрощенных понятиях, строил недопустимо упрощенную модель общественных процессов в стране. Но такое сознание беззащитно вне стерильных условий профессиональной деятельности, где интеллигент имеет дело с моделями реальности, наблюдаемыми в лабораторной колбе. В жестких условиях мобилизационного социализма все мы и сидели по таким лабораториям, а «Сталин думал за нас» – общественная жизнь в силу исторических обстоятельств была загнана в рамки азбучных истин. Начиная с 60-х годов эти рамки слабели, но шоры истмата не дали нам возможности подготовиться к встрече с действительными общественными противоречиями. Мы так и мыслили «половиной мозга» – упрощенными рациональными алгоритмами¹⁰.

В этой вере в рациональное мы прятались, как страус, от того факта, что в XX веке на сцену вышло окрепшее и хорошо вооруженное *иррациональное*. Его напора не выдержал «однокамерный» мозг нашей интеллигенции, и сама эта камера рациональности стала рушиться. Тон стали задавать люди, и среди них много авторитетных интеллектуалов, которые и дом, и страну могли сжечь, чтобы, как говорится, поджарить себе яичницу. Если говорить не о кукловодах, а о честных куклах, то разумной мотивации множества их разрушительных действий не стало, и за ее отсутствием приходится придумывать абсурдные доводы. Уничтожили СССР, чтобы Горбачев перестал быть президентом... Убил, чтобы украсть тапочки... При таком типе мышления нети предвидения последствий – даже о своих шкурных интересах люди не могут рассудить.

В июне 1993 г. по западной прессе прошла статья советника Ельцина, директора Центра этнополитических исследований Эмиля Пайна «Ждет ли Россию судьба СССР?». Он пишет: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю»¹¹.

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву? Коммунизм Сталина? Мао Цзэдуна? Нет – Горбачева и Яковлева. Но ведь это абсурд! Слова и дела этих правителей однозначно показывали, что они не тянут даже на звание социал-демократов (типа шведского премьера Улофа Пальме или канцлера ФРГ Вилли Брандта). Они ближе к неолибералам типа Тэтчер – к правому крылу буржуазных партий. От коммунизма у «политического режима» осталось пустое название, которое «реформаторы» и так бы через пару лет сменили. И вот ради этой идеологической шелухи либеральная интеллигенция обрекла десятки народов на страдания, которых только идиот мог не предвидеть.

Начиная с 1988 г. мы регулярно наблюдали странное явление – при возникновении общественной проблемы, власти предпринимали действия, которые явно вели к *ухудшению* положения. После 1991 г. власти уже стали выбирать такие варианты, которые не просто ухудшали положение, но вели к слому равновесия. Тогда в обиход даже вошло уклончивое понятие «контролируемые катастрофы». Поскольку это стало своего рода *технологией* власти, можно предположить, что принятие таких решений было рациональным с точки зрения тех скрытых целей, которые преследовали реформаторы. Но поражало то, каким магическим действием на сознание политически активной части общества обладал на первый взгляд абсурдный аргумент,

который раз за разом вытаскивали после очередной мини-катастрофы идеологи режима: «Ведь что-то надо было делать!»

Например, в 1991 г. были ликвидированы органы советской власти в Чечне и учрежден «созданный в лаборатории» режим Дудаева, постмодернистская смесь адата, шариата, архаичной клановой демократии и уголовной иерархии. Зачем-то нужен был режиму Ельцина такой анклав в РСФСР – с открытыми границами, без таможни и правового порядка. Нужен был и очаг войны, в котором можно было спрятать не только огромные деньги, но и вообще все, что угодно. Но это – «рациональные теневые цели», мы не о них говорим, а об аргументах. И вот, правительство совершает дикое по уровню беззакония дело – «фрахтует» танки и экипажи (без военной формы и знаков различия) и организует рейд в Грозный. Так началась война. И мы слышим этот стандартный аргумент: «Что-то надо же было делать!»

Этот аргумент как будто парализовал у людей способность критически мыслить. Это было удивительно, потому что невысказанный вопрос был всем известен: «Почему из всех возможных вариантов действия вы выбрали наихудший?» Ответ не соответствовал вопросу, но он принимался. Структурно такое же положение складывается и по проблеме расчленения РАО ЕЭС или железных дорог, реформы ЖКХ или «монетаризации» льгот. В воздухе висит вопрос: «Зачем?!», – а в ответ мы слышим: «Что-то надо же делать!»

Это воспринималось как наш специфический отказ рациональности. Но оказалось, что речь идет о творческой находке психологов. Нашли они это общее слабое место в рациональности современного городского человека. Н.Хомский, который скрупулезно собирает подобные случаи отказа рациональности в США и заполняет ими свои поучительные книги (почти учебные пособия), пишет, даже с некоторым удивлением, о том, какое давалось объяснение бомбежкам Югославии в 1999 г.: «Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, как в Косово продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне – поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?»¹².

Те, кто творил хаос в мышлении ради своей «яичницы», не слушали предупреждений. А ведь специалисты, исходя из теории хаоса, указывали, что при этом самом «новом мышлении» будут приниматься наихудшие решения и выбираться наихудшие варианты. Ты разрушаешь советскую систему, мечтая о шведской модели и цивилизованном западном инвесторе, а созданный тобой хаос втягивается в гнусные лапы братвы, которая пинком выбрасывает тебя на помойку. И это разрушение здравого смысла проводилось под знаменем перехода к высоким интеллектуальным стандартам.

Как потешались над Брежневым за его примитивные рассуждения, а тезис о том, что «кухарка может управлять государством» вызывал просто хохот. На политической трибуне прочно утвердились академики – Сахарова сменял Велихов, Велихова Лихачев, и так бесконечной вереницей. Потом на помощь им пришли кандидаты наук типа Явлинского и Шахрая.

Эта бригада интеллектуалов выработала небывалый стиль рассуждений. Благодаря СМИ он был навязан обществу и стал инструментом для разрушения массового сознания, его *инициализации*. Рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотропными» лучами. Трудно представить, чтобы когда либо еще в нашей истории был период такого массового оглушения, такого резкого падения уровня умственной работы.

Печально было видеть, что это отступление от рациональности, от норм Просвещения, сопровождалось в среде интеллигенции наступлением *пошлости*, поразительного примитивизма в рассуждениях и оценках (теперь иногда с горечью говорят, что русская интеллигенция

наконец-то добились «права на пошлость»). Американская журналистка М.Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, пишет в журнале «Век XX и мир» (1991, № 6): «Побывавший в этой стране десять лет назад не узнает, в первую очередь, интеллектуалов – то, что казалось духовной глубиной, таящейся под тоталитарным прессом, вышло на поверхность и превратилось в сумму общих мест, позаимствованных, надо полагать, их кумирами из прилежного слушания нашей пропаганды (я и не подозревала, что деятельность мистера Уика во главе ЮСИА была столь эффективна)».

Важной вспомогательной программой для того, чтобы люди не видели сползания к глубокому кризису рациональности, было интенсивное внушение мысли, что, в общем-то, советское общество изначально было лишено культуры – ибо после 1917 г. элитарная интеллигенция была якобы «изгнана, репрессирована, уничтожена, унижена». А без нее никакой культуры быть не может – так, образованщина. Из этого следовало, что жалеть не о чем, и всякая ломка сознания и культуры лишь во благо. С.С.Аверинцев производит селекцию образованного слоя: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... единицы»¹³.

Академик Д. С. Лихачев поддерживает этот стереотип: «В двадцатые годы, в годы «диктатуры пролетариата», роль и значение интеллигенции всячески принижались. В лучшем случае ее представители могли считаться попутчиками, в худшем – врагами... Год от года в стране падал уровень культуры. Самые маленькие ставки – у работников культуры»¹⁴.

Умиляет сам диапазон обид – от клейма «враг народа» до низкой ставки оклада¹⁵. Шестидесятники начали разжигать в интеллигенции самую примитивную ревность – ей, мол, недоплачивают. Все привилегии и оклады забрала себе номенклатура! Допустим, что так, но ведь интеллигенция, поддержав рыночную реформу, лишь ухудшила свое материальное положение. Надо же признать, что последовательно изменять ситуацию к худшему – *глупо*. Нельзя в случаях такой оплошности уходить от того, чтобы извлечь урок. Вот обычная история, о которой рассказали на учительской конференции: «В советское время министр республики Дагестан имел оклад 280 руб., а доцент 320 руб. В 2002 г. зарплата доцента составляла 1500 руб., а министра 8500 руб.»¹⁶.

Но здесь для нас главное – в утверждении Д. С. Лихачева, будто при советском строе «год от года в стране падал уровень культуры». Что он под этим понимает, каковы его критерии оценки этого уровня в динамике (как векторной величины)? Превращение страны, в которой 75 % населения было неграмотным, в самую читающую в мире страну – это падение или повышение уровня культуры? Для Д. С. Лихачева, судя по контексту его рассуждений, всеобщее образование несущественно, ибо оно означает изменение в жизни *массы*, а для него важна только жизнь *элиты*. Причем и в ее-то жизни упор у него делается на баланс «жалованья и унижений». Возможность для огромной массы людей приобщиться к творческой работе в качестве интеллигенции не считается у него культурной ценностью. Огромная масса людей? А-а, образованщина.

На фоне этой нелепой сословной элитарности «авангарда» удивительно неразумным, как-то по-детски наивным было само увлечение идеями перестройки со стороны людей, искренне тяготеющих к демократическим идеалам и даже впадающих в демократический фундаментализм (который выразился, например, в крайней нетерпимости к иерархии, к «номенклатуре»). Ведь перестройка очень быстро обнаружила свою суть именно как «*номенклатурной революции*». Именно номенклатура, имеющая все шансы сохранить и приумножить свои привилегии, обратившись в «новую буржуазию», и была мотором перемен, к которым скептически относилось большинство населения.

94 % «элиты» по сравнению с 44 % респондентов в массовых опросах 1993–1994 гг. были не согласны с мнением, что «было бы лучше, если бы в стране все оставалось, как было до 1985 г.». Но ведь эта элита в своем подавляющем большинстве и представляла собой старую номенклатуру и ее молодых приближенных¹⁷. И разве сильно расходятся векторы «старой» и «новой» элит в представлениях по главным вопросам? Авторы исследования «Ценностные ориентации советских и постсоветских элит» дали сравнение установок двух контингентов элиты и массового сознания на большой «карте». В целом она показывает очень большое сходство взглядов обеих привилегированных групп – и их резкий разрыв с взглядами населения в целом.

Это не так уж удивительно. Для нас здесь важнее другое. Если привлечь результаты других исследований ВЦИОМ, то видно удивительное сходство по главным вопросам установок интеллигенции (конца 80-х годов) и элиты. А значит, мы имеем эмпирическое подтверждение резкого отрыва мировоззренческих установок интеллигенции от «тела народа», от массы носителей нашей культуры. Вот над этим надо задуматься.

Назову два пункта, важных в программе перестройки и реформы, в которых разрыв выражен в наибольшей степени. Первый – это отношение к экономическому либерализму и роли государства. Выражено это в ответах относительно утверждения «Государство должно устанавливать твердые цены на большинство товаров» (население – «за», а элита «не согласна»). Второе утверждение более фундаментально: «Переход к рыночной экономике необходим для выхода из кризиса и процветания России». С ним согласны оба контингента элиты, но к нему очень скептически относится население в целом.

Авторы исследования делают вывод: «Как показывают опросы, в массовом сознании сегодня отмечается некоторая тенденция к изменению соотношения сторонников и противников продолжения реформ в пользу последних. Это значит, что динамика сознания элитных групп и массового сознания по рассматриваемому кругу вопросов разнонаправленна. В этом смысле *ruling class* постсоветской России – маргинален»¹⁸.

По большому счету, плевать нам на *ruling class*, этот прыщ можно скovyрнуть. Беда в том, что стала маргинальной интеллигенция.

Перестройка в целом привела к тяжелому поражению рациональности. Сегодня наша культура в целом отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов – Просвещение отступило. Поток мракобесия, который лился и льется с телеэкрана, настолько густ, что многие до сих пор удивляются, где же он копился, в каком овраге. Да и не только о телеэкране или желтой прессе речь. Проводником мракобесия становится школа.

И.Смирнов в «Русском журнале» от 4 июля 2004 г. пишет о том, что уже даже в учебной и методической литературе ставятся под сомнение общепринятые научные взгляды на происхождение человека и предлагается на уроках «уравновешивать» Дарвина религией, «выделяя сильные и слабые стороны двух мировоззренческих подходов». Он цитирует «методолога образования» М. Эдельштейна, который утверждает: «Преподавать и учить детей должны... скептики. Но скептики подлинные, то есть люди, способные усомниться в истине не только религиозной, но и научной, готовые объективно изложить все основные точки зрения, сознающие пределы разума, способные объяснить сущность эволюционизма и креационизма, не разъяняя при этом, что один о-го-го, а другой бяка-бяка. Более того, ученикам в школах и студентам в институтах не мешало бы рассказывать не только о физических законах и химических элементах, но и о Туринской плащанице, благодатном огне и мироточивых иконах»¹⁹.

Достаточно хорошо известно, что именно смешение, переплетение разных форм сознания (например, научного с религиозным) ведет к мракобесию, к подрыву обоих способов видения мира – потому и говорил Ницше, что оба типа мышления «должны лежать рядом, быть отдельными и исключать всякое смешение». Смешение школы и университета, ставших меха-

низмом передачи именно рационального знания и навыков мышления, с религиозным собранием как раз и создает питательную среду для химерического сознания, мракобесия. И это мракобесие стало в нынешней элите очень агрессивным. «Невежество становится действенным» – это важное явление в культуре времен смуты подметил М. Пришвин.

В конце 1994 г. в докладе на международном симпозиуме историк из ИМЭМО РАН В.Г.Хорос сделал вывод «о недостаточной готовности интеллектуальной элиты в России к реформам. Может быть, даже более резко: об явно обозначившемся интеллектуальном и во многом моральном банкротстве нынешней генерации российских реформаторов»²⁰. Если бы это касалось только интеллектуальной элиты! Надо признать интеллектуальное банкротство интеллигенции в целом – как той социальной группы, которая стала главным проводником идей реформы в широкие слои общества.

Массовая утрата здравого смысла, способности критически оценивать утверждения, доверие к самым абсурдным обещаниям – все это стало нормой нашей общественной жизни. Люди грезил наиву, отвергали, иногда очень злобно, предупреждения, мешающие наслаждаться приятными образами близкого будущего, которые им рисовали идеологи. Не грузите меня! Полная свобода! Гласность не должна иметь пределов! Возвращение в цивилизацию! Общечеловеческие ценности! Постиндустриализм!

Политики считают, что если поток утверждений с шизофренической логикой пропитает все уровни общественного сознания, то граждане рано или поздно будут приведены в состояние, выражаемое старым принципом: «Верую, ибо абсурдно». Нас к этому уже почти привели. Вспомните, как перед выборами 2003 г. обочины шоссе покрылись плакатами со странными лозунгами. Одна партия так соблазняла избирателей: «Вместе мы – русские!» Наверное, немало ошарашенных водителей съехали в этих местах в кювет. В каком воспаленном мозгу родилась эта идея? Что она означает? Может быть, нам намекают, что если татарин, чукча и еврей вместе проголосуют за Народную партию, то на этот краткий миг станут русскими? А если русский не проголосует, то кем станет?

Другой плакат с агитацией за того же Райкова – вроде как примитивный детский рисунок большого зеленого танка – и надпись: «Нет насилию на телевидении!» Что хочет сказать Райков? Что его партия, пройдя в Госдуму, введет цензуру на телевидении? А что означает танк? Может, эта партия запретит фильм «Они сражались за Родину» или «Тихий Дон»? Эти фильмы – рекордсмены по показу насилия.

Чего же хочет этот Райков, зачем он так вульгаризирует проблему? Смысл известен – упрощение входит в привычку и ведет к отказу от скептического внутреннего вопроса, внутреннего диалога. Так и разрушаются инструменты логического мышления в сознании людей. Верую в Райкова, ибо абсурдно.

Прошли выборы, но изобретатели этих идиотских реклам-лозунгов не потеряли своей выгодной работы. Обочины больших шоссе покрылись новыми плакатами, которые заменяют отсутствующую рекламу реальных товаров. Бессмыслица, напыщенность и пошлость этих творений политического постмодерна ставят в тупик. Что это? Как это надо понимать? Как будто какой-то глумливый сатир малюет эти плакаты в подвалах администрации Президента или другого большого начальника, издеваясь над здравым смыслом.

«Здоровье социальное – это уверенность в будущем» – и рядом сидит то ли кукла, то ли ребенок в кружевном платице. Что за чертовщина! Как можно *здоровье* определять через *уверенность в будущем*! Ведь это категории разного порядка. Здоровье – это оценка состояния, символ *добра*. Уверенность в будущем означает лишь наличие надежной информации – как о добре, так и о зле. Представьте: человеку сообщают, что у него лейкемия, рак крови, лечение невозможно и жить ему осталось пару месяцев. У него появилась уверенность в будущем, но здоровьем это никак не назовешь. Наше общество уверено, что в скором будущем вздуют цены на газ, воду и электричество – прибавляет ему это здоровья социального?

Понятно, что этот официальный лозунг, в котором нет и намека на сарказм и издевательство над реформой, есть нездоровая отрывка советской «уверенности в завтрашнем дне». Но социальный контекст резко изменился, и то, что раньше было усеченным и однозначно понимаемым выражением («уверенность в *благополучном* завтрашнем дне»), сегодня выглядит как глупость или глумление. Более того, даже в позднее советское время эта «уверенность в завтрашнем дне» была именно признаком социального *нездоровья*, даже более того – *болезни*. Социум не предвидел назревающей катастрофы. Вместо того, чтобы изучать идущие в обществе процессы и думать над ними, люди были «уверены». Это и есть утрата навыков рационального мышления. В нынешней обстановке этот лозунг говорит уже о глубокой деградации.

Проезжаешь еще сотню метров – новая загадка: «Здоровье экономическое – достойная зарплата». О чем здоровье гласит эта административная мудрость, о чьей зарплате речь – топ-менеджеров Гута-банка? И что это за новая политэкономическая категория – «достойная зарплата»? Какая часть общества должна получать эту зарплату, чтобы страна считалась экономически здоровой? Содрали идиотскую рекламу крема («Л'Ореаль! Ведь я этого достойна!»), и получилось еще глупее. Кто развесил эту ахинею и зачем?

Дальше в том же роде: «Здоровье экологическое – чистота отношений». Это что – реклама презервативов? Но тогда почему нарисована огромная бабочка на подсолнухах, по всей видимости, вредитель сельского хозяйства? Дальше – опять изречение, какого и Кафка с его больной психикой не смог бы придумать: «Здоровье физическое – это 100 спортивных площадок в год». Что сто площадок? Чье здоровье? «Здоровье демографическое – интересная юность». О чем это? Каким боком касается демографии? Если девушка очень интересно провела юность – у нее дети один за другим рождаются, или наоборот, совсем не рождаются? Что из этого считать здоровьем?

Еще через сто метров – самый крутой шедевр: «Здоровье духовное – вера в Россию». И красочная картина: церковь, ряд матрешек и огромный компьютер. Уже и церковь приспособили для своих дешевых идеологических поделок, какая бестактность! Нарисовали бы лучше самовар. Но главное, что за глупость, при чем здесь здоровье, вера, о какой России речь? Об РФ, что ли? В каком смысле надо в нее верить? Но главное, в какой пещере вырубили эту идеологическую скрижаль? Пятнадцать лет нам промывали мозги моющим средством демократии и плюрализма – и вдруг, на тебе, плакаты с самым тупым идеократическим требованием – *во что-то верить*, вновь суровое требование морально-политического единства. Причем единства не на основе разума, сотрудничества и солидарности – все это устранили рынок и конкуренция, – а на основе *веры*. Компьютер и матрешки в одном флаконе – и витающая над ними безумная глумливая улыбка Абрамовича.

Шутки шутками, а дело серьезное. Ясно, что этот плакат без выходных данных повесила администрация. На каком основании она требует от граждан какой-то общей веры? Что за теневая жреческая инстанция завелась в коридорах власти? Какого дьявола эти новоявленные малограмотные святоши с золотым тельцом вместо креста лезут ко мне в душу, берутся определять, здоров ли я духовно или нездоров? Чья бы корова мычала. Что за издевательство – требовать веры в «Россию Познера и Мавроди» с одновременным преследованием русского национализма, который трактуется как фашизм?

И ведь на все это выделены большие деньги, большие начальники все это глубокомысленно смотрели, читали, делали замечания – а потом утверждали. В какое дерьмо нас погрузили, господа-товарищи!

В какой мере идеологическая кампания перестройки повлияла на массовое сознание и вырвала у него из-под ног почву здравого смысла, видно из исследований, проведенных в 1989 г. Институтом социологии АН СССР. Его целью было «дать ответ о предпосылках и факторах, способствующих и мешающих утверждению нового политического мышления в сознании масс»²¹. Авторы с удовлетворением констатируют, что «большинство опрошенных во всех

выделенных категориях полностью или в основном разделяют и поддерживают основополагающие элементы нового политического мышления». При опросах социологи формулировали «суждение» и измеряли долю тех, кто с ним согласен и не согласен. Категории людей действительно между собой различались мало.

Вот позиция большой представительной группы – «естественно-научной интеллигенции». Ей дают суждение: «Сила (или угроза силой) не могут быть инструментом внешней политики». И 94 % интеллигентов от науки согласны с этим абсурдным суждением! За год с небольшим до войны в Ираке они утверждают, что нет, такого не может быть, чтобы во внешней политике применялась сила или угроза силой. Ну вдумайтесь в формулировку, уважаемые доценты с кандидатами! Вас же не спрашивают, *хотите ли вы*, чтобы сила была инструментом внешней политики! Вы же воочию видите, что она *может быть* и *есть* инструмент внешней политики. А ведь за этим хитрым вопросом стояло нешуточное дело. Выманив у людей ответ, что сила во внешней политике не нужна, так как инструментом служить не может, клика Горбачева развязала себе руки для ликвидации армии, военно-воздушных сил и флота.

Вот другое суждение: «Сегодня мы вступили в эпоху, когда в основе прогресса будет лежать общечеловеческий интерес». С ним согласились 81 % «естественно-научной интеллигенции»! Ну как такое может быть? Как можно было вообще соглашаться оценивать суждение, в котором два понятия (прогресс и общечеловеческий интерес) неопределимы. И каково же должно было быть понимание сути этих понятий, чтобы согласиться с этим нелепым суждением?

А возьмите недавние похвалы А.Н.Яковлева в адрес Гайдара и Чубайса: «Мнеясно, что благодаря «шоковой терапии» Гайдара наши люди узнали, что такое деньги. Благодаря Чубайсу и его приватизации у нас узнали, что такое собственность. Это великое дело»²².

Что за несообразные со здравым смыслом рассуждения! Благодаря Гайдару наши люди узнали, что такое *отсутствие* денег – особенно в тот момент, когда они проснулись и узнали, что у них украдены сбережения (ни много ни мало, а 400 миллиардов долларов). А приватизация Чубайса была именно *экспроприацией* – то есть *лишением* граждан их собственности и получаемых с нее доходов. Это вещь настолько очевидная и элементарная, что высказывание престарелого «архитектора перестройки» можно трактовать только как циничное постмодернистское комбинирование слов для создания фиктивного образа реальности. Если следовать логике А.Н.Яковлева, то человек только благодаря топору палача узнает, что такое жизнь – после удара этого топора по его шее.

Попытки ввести этот поток «суждений» в нормы связных умозаключений с фиксацией причинно-следственных связей, в общем, отвергались во времена перестройки и отвергаются до сих пор. И главным социальным агентом, взявшим на себя осуществление этой программы по разрушению логического мышления огромного народа, стала интеллигенция. Тот факт, что сама она оказалась первой социальной жертвой этой программы, нисколько не снимает с нее исторической вины. Ведь именно на ней лежит обязанность охранять авторитет Разума.

Совершенно некритически, как будто потеряв способность к простейшим логическим операциям, стала интеллигенция заглатывать странные, абсурдные (и порой даже чудовищные) утверждения идеологов. Вот, в 1990 г. вождь литовских националистов Ландсбергис заявил, что Литва вовсе не выходит из СССР, ибо она *никогда в нем не состояла*, она просто продолжает свою государственность 1939 года. Я в это время был на Западе и наблюдал восприятие европейцев. В западных газетах были напечатаны карты Литвы 1939 г., никто не сомневался, что, согласно заявлению Ландсбергиса, Виленский край отходит к России, и гадали о том, что будет с Клайпедой и побережьем, которые в 1939 г. были под юрисдикцией Германии и которые выкупил СССР за большие деньги.

И вдруг возникает Литва в границах Литовской СССР 1990-го, а вовсе не 1939 года, – и хоть бы у кого в нашей интеллигентной среде возникли малейшие сомнения. Никто неувязки как будто не заметил – ну не абсурд ли!

Причем бессвязность мышления и его отрыв от реальности одинаково проявлялись и у ораторов, и у их слушателей – если все настраивались на антисоветскую волну. Вот, выступает писатель и депутат А.Адамович в 1989 г. в МГУ: «Запад благодарен Горбачеву еще и за то, что он «изнутри» остановил процесс разрушения демократии в странах третьего мира».

И ни один профессор, доцент, студент или хотя бы уборщица нашего лучшего университета не крикнет ему: «Вы спятили, Адамович?» Вдумайтесь в его утверждение. Что Запад благодарен Горбачеву, это понятно. Но, оказывается, помимо всех его заслуг перед Западом он еще и *защитил демократию в третьем мире!* Были там у власти демократы – Мобуту и Сомоса, Стресснер и Сухарто, – но в 80-е годы стали левые силы эту демократию разрушать. То одного прогонят, то другого, заменят на выборную власть. Но Горбачев «изнутри» этот процесс остановил. Вот, значит, кто из кресла Генерального секретаря КПСС помог Пиночету защитить демократию – и за это Запад благодарен Горбачеву.

Все выступление А.Адамовича в МГУ наполнено подобными нелепыми рассуждениями. Вот еще пример: «Один американский фермер как-то сказал Юрию Черниченко: «Мы и вас готовы прокормить, только не воюйте». Ведь мы и сами-то до конца не осознавали, как Запад опасается нашей военной мощи, не сдержанной никакими демократическими институтами» (там же, с. 348).

Все элементы этого рассуждения противоречат здравому смыслу. Вот они по очереди: никого американские фермеры бесплатно не кормят, они рады продать свой товар, да нам и не нужна была бесплатная кормежка в обмен на независимость – мы покупали кое-что за свои деньги, как и все на рынке; РФ не воюет, но никакие американские фермеры нас кормить не собираются; Запад не опасался нашей военной мощи, у обеих сторон имелись средства сдерживания – это известно из документов военного ведомства США; «демократические институты» никогда не сдерживали агрессивности тех же США, а в СССР военная мощь была под надежным контролем. И эти явные несуразицы А.Адамовича благосклонно выслушивала огромная аудитория студентов и преподавателей МГУ.

Выступления идеологов, особенно из ученых, потрясали не просто каким-то абсолютным (как бы наивным) отрицанием накопленного человечеством и научного, и обыденного знания. В этих выступлениях обнаруживается чуть ли не мистическая тяга сказать нечто прямо противоположное знанию и опыту – причем сказать в связи с очень важным положением, на котором они и выстраивают всю свою идеологию.

Вот передача «Момент истины» с А.Карауловым. На экране видный деятель перестройки Святослав Федоров требует *«полной свободы»* предпринимателям и доказывает, что именно частная собственность породила человека. Более того, возможен, дескать, и обратный процесс – питекантроп превратился в человека в тот момент, когда получил собственность, а без нее человек превращается обратно в питекантропа. И при этом наш знаток «естественной истории» постоянно обращает внимание на то, что он – профессор. А надо бы профессору вспомнить, что при общинном строе люди (похожие на питекантропов не больше, чем самый цивилизованный предприниматель) жили в 2 тысячи раз дольше, чем при частной собственности. В русской общине или артели жили еще деды многих из нас.

Но кульминацией рассуждений был аргумент против вмешательства государства в хозяйственную деятельность. «Экономика, – говорит С.Федоров, – это организм. А в организм вмешиваться нельзя – он сам знает, что ему лучше. Мы вот с вами сидим, разговариваем, а печень себе работает, как надо». От кого же мы слышим, что нельзя вмешиваться в дела организма, что он «сам знает, как лучше»? От профессора *медицины!* Да не просто врача, а хирурга! Он всю свою жизнь только и делает, что вмешивается в деятельность организма, да не с лекар-

ствами (хотя и это – очень сильное вмешательство), а со скальпелем, и прямо в глаз. Каким же расщепленным должно быть сознание человека, чтобы выбрать именно ту аналогию, которая действует прямо против его собственного тезиса. И каков уровень логического мышления А.Караулова, да и большинства зрителей, которые никакой аномалии в аргументации Федорова не замечают.

Вот уже 15 лет СМИ обрушивают на людей потоки утверждений, которые на первый взгляд кажутся бессмысленной и бессистемной чередой несусветных глупостей. Но сейчас-то, слегка очухавшись от полученных оплеух и чуть-чуть отодвинувшись от телеэкрана, мы начинаем видеть в этом потоке именно *систему*. Более того, начинаем видеть даже систему *технологий*, предназначенных, как пишут в учебниках, для разрушения *культурного ядра* общества.

Технологии эти многообразны, среди них технология под названием «поток глупостей», видимо, направлена на разрушение именно рационального сознания и логического мышления. Недаром эмигрант Б.М. Парамонов зловеще сказал (в книге «Конец стиля») о нынешнем состоянии нашего общественного сознания: «Россия – постмодернистская страна».

Постмодернизм – лакомая тема для философских салонов. В общем, нам пока что не до нее, для нас эта штука сейчас важна как молоток, которым разбивают наши головы. Один из этих новых философов сказал: «Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели». Эту эпоху пусть оставят для себя, а мы из нее возьмем только то, что полезно для жизни. Сейчас для нас главное знать, что постмодернизм – это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей – так что академик может нагло врать, и никто ему слова не скажет. Поскольку интеллигенция была этим спектаклем очарована, то и уважающие ее люди замерли в растерянности.

Став на время «постмодернистской страной», мы оказались беззащитными против клики интеллектуальных наперсточников, за спинами которых скрывались вполне тривиальные и рациональные (в меру возможностей их уголовного мышления) мародеры и продавцы краденного.

Так что обязаны мы покопаться в этом пока еще не окаменевшем дерьме и извлечь уроки.

Глава 2 Склонность к гипостазированию

Проявлений «порчи сознания» множество, ежедневно мы наблюдаем все новые и новые конкретные случаи, иногда столь красноречивые, что все написанное об этом раньше бледнеет. Значит, надо выбрать главные типы, чтобы можно было относить каждый новый случай к какому-то классу, находить в нем общие черты с совокупностью подобных сбоев в мышлении. Проблема классификации, однако, не проста, поскольку любое умозаключение представляет собой довольно сложную систему. В случае ее деформации обычно возникает сразу несколько ошибок, так что один и тот же заметный случай может быть отнесен к разным классам нарушений. Для наших целей нет нужды применять подробную изошренную классификацию, возьмем самые распространенные случаи нарушений, которые будем иллюстрировать известными примерами.

Прежде всего, существует хорошо нам знакомый вид деформации сознания, который обозначается малоизвестным словом *гипостазирование*. В словаре читаем: «*Гипостазирование* (греч. *hypostasis* – сущность, субстанция) – присущее идеализму приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. В другом смысле – возведение в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является лишь свойством, отношением чего-либо».

Во время перестройки и реформы склонность интеллигенции к гипостазированию проявилась в гипертрофированном виде. Когда пробегаешь в уме историю перестройки, поражает эта склонность изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным. Эти размытые образы становятся дороги человеку, их совокупность образует для него целый живой мир, в котором он легко и, главное, бездумно ориентируется. Образы эти не опираются на хорошо разработанные понятия, а обозначаются словом, которое приобретает магическую силу. Будучи на деле бессодержательными, такие слова как будто обладают большой объяснительной способностью.

В созревании антисоветского сознания важную роль сыграл, например, совершенно схоластический спор о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, что из себя представляет советский строй – мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал «*казарменный социализм*» – и вроде все понятно. Вот как трактует природу «реального социализма» профессор МГУ А.В. Бузгалин.: «В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией «мутантного социализма» (под ним понимается тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы...)²³.

Мы видим здесь претензию на создание целой теоретической категории, оправдывающей гибель советского строя. Но ведь взятая А.В. Бузгалиным из биологии ругательная метафора мутации бессодержательна и ничего не объясняет. Мутация есть изменение в генетическом аппарате организма под воздействием факторов внешней среды. Если это изменение наследуется и благоприятствует выживанию потомства, то такая мутация оказывается важным механизмом эволюции. Если, как это делает А. В. Бузгалин, уподоблять общественный строй биологическому виду, то социальное жизнеустройство *любой* страны оказывается «мутантным» и иным быть не может.

С другой стороны, метафора просто неверна, т. к. противоречит смыслу самого понятия. Мутация есть изменение чего-то, что уже было как основа («дикий вид»). Если бы в мире существовала устоявшаяся социально-экономическая формация, которую было принято считать *правильным социализмом*, а потом под воздействием Сталина возник советский казарменный социализм, исказивший этот исходный образец, то его еще можно было бы считать

мутантом. Но в действительности никакого исходного социализма, от которого путем мутации произошел советский строй, не существовало. И эту глубокомысленную, но бесплодную и ошибочную метафору профессор МГУ таскает из публикации в публикацию уже пятнадцать лет. В его сознании расплывчатое понятие, никогда даже четко не изложенный образ «правильного социализма» превратились в реальную сущность. Тяжело видеть.

Вот другой пример гипостазирования в отношении понятий «казарменного социализма». Одним из активных «прорабов перестройки» был образованный человек, профессор А.С.Ципко. Он слышал, что при советском строе имел место трудовой энтузиазм, моральное стимулирование и т. д. Этот маленький элемент советской системы, который занимал в ней свое скромное место и нормально взаимодействовал с другими элементами, А.С.Ципко раздувает до масштабов всеобъемлющей, чуть ли не единственной сущности советской социально-экономической системы. Он пишет, видимо, потеряв способность разумно оценить написанное: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъектированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души?.. Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины – на практике «разгона», ругани, окрика, на страхе»²⁴.

По-моему, как раз в этом рассуждении А.Ципко есть признаки «инъекции экстаза». Он даже не замечает, что второе его ругательство отрицает первое. Но можно ли придумать для сталинской системы организации производства более глупое обвинение, чем назвать ее попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? Что за нелепый образ советского планового хозяйства создал в своем уме профессор из Института экономических проблем мировой социалистической системы АН СССР! Он изобретает нелепые сущности – и сам начинает в них верить. Какая уж тут рациональность.

Осознание образованными людьми этого дефекта их мышления затрудняется кажущимся парадоксом: именно крайне рационалистический тип мышления, давшего человеку главный метод науки, при выходе за стены лаборатории может послужить средством разрушения логики (рациональности). Крупный современный экономист Л. фон Мизес предупреждал: «Склонность к гипостазированию, т. е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям – худший враг логического мышления».

В слово-заклинание превратилось и такое туманное понятие, как «рынок». Одни видят в нем доброго ангела, а другие – почти всеильное исчадие ада. А попробуй спроси, что каждый под этим понимает, ничего определенного не скажут. Но готовы воевать ради этого призрака или против него.

Эта деформация мышления изживается очень медленно, это видно и на удивительной судьбе живучего слова «тоталитаризм». 29 августа 2001 г. я участвовал в «круглом столе», собранном в «Литературной газете» и посвященном интригующей теме: куда девается природная рента (то есть доход от земли и ее недр) в нынешней РФ? Были видные специалисты и ведущие экономисты, включая академиков Д.С.Львова и В.В.Ивантера. Вел заседание А.С.Ципко. Спора по первому вопросу не было – рента, по закону принадлежащая государству, отдается, вопреки закону, «крупному капиталу». В общем, все признали и тот факт, что эта рента изымается «олигархами» из хозяйства, оно хиреет и никак не позволит сносно жить большинству народа. Говорили, что надо нам учиться у Индонезии, где 15 семейств владеют 80 % богатства, у Бразилии, где половина населения не имеет дохода – как-то уживаются, хотя и с пулеметами на крышах в приличных кварталах. Кто-то говорил о грядущей остановке добычи газа и нефти – не вкладывают олигархи денег в разведку и обустройство новых месторождений, о том, что за десять лет в стране не построено ни одного не то что завода, а цеха.

Все при этом также были согласны в том, что при советском строе рента обращалась в капиталовложения – как в хозяйство, так и в науку. Один экономист в качестве шутки ска-

зал, что и сейчас можно было бы воссоздать Госплан для изъятия и использования природной ренты. Но, как добавил он, для этого необходим тоталитаризм. И почти все засмеялись – нет, они не хотят тоталитаризма, они хотят демократии. И продолжили – как лучше наладить взаимодействие правительства с олигархами, по мелочам. У меня мелькнула мысль, что за одним столом сидят люди и людоеды – и обсуждают кухонную утварь. Так велика была магия слова *тоталитаризм*, что даже почтенные академики не решились сказать: господа, что за чушь вы говорите! Все эти идеологические бирюльки имеют ничтожное значение по сравнению с тем, что страна в этой системе экономики явно не может выжить – вот о чем должны думать экономисты.

Рассмотрим еще пару примеров гипостазирования, которые сохранились в памяти. У интеллигенции было очень сильно расплывчатое убеждение, что во всем «система виновата». Важнейшими причинами наших бед она считала «засилье бюрократов», «уравниловку», «некомпетентность начальства», «наследие сталинизма» – причины, для массового сознания не так уж существенные. И вот, опираясь на эти стереотипы, Г.Х.Попов запустил в обиход, как нечто сущее, туманный термин «*административно-командная система*». Если вдуматься, смысла в этом никакого, но словечко было подхвачено прессой, духовными авторитетами, даже получило аббревиатуру – АКС. И стали его употреблять, как будто оно что-то объясняет в советском строе. Как будто это нечто уникальное, созданное в СССР и предопределяющее жизнь именно советского человека.

На деле любая общественная система имеет свой административно-командный «срез», и иначе просто быть не может. И армия, и церковь, и хор имени Свешникова – все имеет свою административно-командную ипостась, наряду с другими. Антисоветские идеологи, глубоко-мысленно вещавшие: АКС, АКС... – намекали, что в «цивилизованных» странах, конечно, никакой АКС быть не может, там действуют только экономические рычаги. Но ведь это попросту глупо – любой банк, любая корпорация, не говоря уж о государственных ведомствах, действуют внутри себя как иерархически построенная «административно-командная система», причем с контролем несравненно более жестким, чем был в СССР. Но так людей очаровали этой АКС, что даже историки, прекрасно знавшие, что системы управления и в государстве, и в хозяйстве складываются *исторически, а не логически*, не исходя из какой-то доктрины, стеснялись прямо сказать, что пресловутая АКС – плод самого примитивного гипостазирования.

В 1988 г. на «круглом столе» в АН СССР историк К.Ф.Шацилло осторожно объяснял: «Совершенно ясно, что в крупнейшей промышленности, на таких казенных заводах, как Обуховский, Балтийский, Адмиралтейский, Ижорский, заводах военного ведомства, горных заводах Урала капитализмом не пахло, не было абсолютно ни одного элемента, который свойствен политэкономии капитализма. Что такое цена, на заводах не знали; что такое прибыль – не знали, что такое себестоимость, амортизация и т. д. и т. п. – не знали. А что было? Был административно-командный метод: постройте четыре броненосца и скажите, сколько заплатить; желательно построить за три года, построили за шесть, ну что же поделаешь?...»²⁵

Слова «административная система» приобрели такую магическую силу, что достаточно было прилепить этот ярлык к какой-то стороне реальности, и о ней можно было говорить самые нелепые вещи. Вот, Н.П.Шмелев утверждал в 1989 г.: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы – распределять! Эту систему мы должны решительно сломать»²⁶. Назвать распределение, одну из множества функций административных систем, *принципом* и даже фундаментальным, – значит исказить всю структуру функций, нарушить меру. Но даже если так преувеличивается значение функции распределения, почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Разве в обществе нет необходимости *распределять*? Ломать надо любую систему распределения или только «нашу административную»?

В данный момент плевки в сторону «администрации» прекратились. Административная система стала бесконтрольной вплоть до самодурства – и ничего. Тот факт, что В.В.Путин (как

и партия власти («Единая Россия») не стал участвовать в предвыборных дебатах 2003–2004 гг., отвечать на прямые вопросы и излагать свою программу, есть признак ориентации власти на создание *харизматического* образа вместо укрепления рационального сознания массы и гражданского чувства. Умолчание и недоговоренности позволяют людям культивировать надежды и «домысливать» тайные планы В.В.Путина. Власть не желает (или не может) иметь дело с реалистично мыслящими гражданами.

Как цинично определяет тип отношений В.В.Путина с СПС ярый идеолог правых Е.Ясин, «Путин выстраивал отношения с правыми так, чтобы пользоваться их разработками, но при этом отмежевываться от них публично». Другими словами, власть проталкивает законопроекты, которые в тени готовят Чубайс и Гайдар, но на людях президент от этих одиозных типов дистанцируется. Такой тип господства нуждается в *дерационализации* массового сознания.

Симметричным гипостазированию нарушением рациональности мышления можно считать *размывание* понятий. Многие интеллигенты, выступая на идеологической арене, наловчились расширять приложение некоторых «горячих» понятий на очень далекие от обычного смысла, который люди придают этим понятиям. Затем внимание фиксируется на той категории, которая действительно подпадает под определение – и вот вам «250 миллионов репрессированных». Вот как, например, академик Д. С. Лихачев соболезнует русской интеллигенции, ставшей жертвой большевиков: «Миллионы истинных интеллигентов, истинных патриотов своей Родины были изгнаны из России, репрессированы, уничтожены, унижены...»²⁷.

Спорить с этим невозможно – наверняка когда-то и кем-то были унижены *все до одного* истинные интеллигенты. Но ведь это стоит в сцеплении с понятием «*уничтожены*». Сцепи ничтожную величину с огромной – и на нее распространится ощущение огромности. Выходит, миллионы были уничтожены...

Стоит вспомнить и ключевое слово перестройки *дефицит*. Оно означает *нехватку* – и все его вроде бы так и понимают. И в то же время интеллигенция уверовала, что во времена Брежнева «мы задыхались от дефицита», а сегодня никакого дефицита нет, изобилие. Но пусть бы интеллектual объяснил «тупому совку», как может образоваться изобилие при спаде производства. Много производили молока – это был дефицит; снизили производство вдвое – это изобилие. Ведь это мышление шизофреника.

Вот что означает понятие *дефицит* в его жестком, ограниченном значении: в 1985 г. в РСФСР в среднем на душу населения потреблено 23,2 кг рыбы и рыбопродуктов, а в 1997 г. в РФ – 9,3 кг. Дефицит рыбы как *продукта питания* – при ее изобилии на прилавках как *знака ложного изобилия*. Люди, которые приветствуют такое положение, впадают в глубокое гипостазирование.

Что мы получили через три года реформы хотя бы в питании, говорит «Государственный доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году»: «Существенное ухудшение качества питания в 1992 г. произошло в основном за счет снижения потребления продуктов животного происхождения. Отмечается вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела – ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ» [выделено мною. – С.К-М].

Это – официальное признание в том, что реформа сломала сложившийся при советском укладе благополучный рацион питания и что возник, как сказано в Докладе, «*всеобщий дефицит*» питания, ранее немыслимый.

Замечу, что даже в чисто «рыночном» смысле реформа привела именно к опасному дефициту, какого не знала советская торговля. Чтобы увидеть это, надо просто посмотреть статистические справочники. Вот данные Госкомстата СССР, а потом Госкомстата РФ. Обеспе-

ченность розничного товарооборота товарными запасами в розничной торговле (в днях товарооборота) составляла в СССР на 1 января соответствующего года: 1970 – 88 дней, 1985 – 92, 1986 – 84, 1988 – 69, 1990 – 47 дней. В РФ она составила в 1995 г. 33 дня, а, например, на 1 октября 1998 г. на складах Санкт-Петербурга имелось продуктов и товаров всего на 14 дней торговли. Положение регулируют посредством очень низкой зарплаты, а то и невыплатами зарплаты и пенсий. Вот тебе и *изобилие*.

Профессор из Петербурга, д.э.н. С. А. Дятлов, рассматривая состояние инвестиционной сферы России, пишет в 1997 г.: «Долги по невыплаченной зарплате и пенсиям в два с лишним раза превышают товарные запасы. Оборотные фонды предприятий на 80–90 % обеспечиваются кредитами коммерческих банков. Можно говорить о том, что экономика России в ее нынешнем виде – это не только долговая экономика, но и экономика хронического дефицита, скрытого высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса»²⁸.

А вспомним, с какой страстью масса здравомыслящих людей уповала, как на манну небесную, на *инвестиции* в нашу экономику.

Слова «инвестиции» и «инвестор» были наполнены магическим, спасительным смыслом. Вот придет инвестор! Что это за зверь, почему он должен прийти, что он сможет унести за эти свои инвестиции? Об этом никто не думал и не говорил. Эти надежды на инвестиции культивировались даже в отношении таких сфер, куда их не было никакой надежды заманить. После того, как правительство «акционировало» предприятия ЖКХ, оставив их без причитающихся им амортизационных отчислений, главные надежды реформаторы возлагали на «частных инвесторов» – звон об этом стоит уже более десяти лет.

Это именно звон, ибо все прекрасно знают, каких инвестиций требует отрасль только для того, чтобы остановить сползание к катастрофе (4–5 триллионов руб.). Всем также известно, что население не имеет финансовых возможностей заплатить за услуги ЖКХ такую цену, чтобы обеспечить инвесторам приемлемую для них прибыль. Председатель Госстроя Шамузаров в своем последнем интервью в 2002 г. подчеркнул, что «слабым звеном в осуществлении жилищной реформы остается полное отсутствие конкуренции в ЖКХ, в которое никто не хочет вкладывать средства по причине ее постоянного недофинансирования». Кстати, вдумайтесь в логику – если бы было полное финансирование, то и чужих средств не потребовалось бы. Никто не хочет вкладывать средства потому, что с них не получить дохода!

Председатель комитета по промышленной политике Свердловской областной думы Н. Шаймарданов сказал в интервью: «В сети Свердловской области нужно вложить 60 млрд. рублей. Таких денег нет ни у кого. Потому реформу и спихнули на регионы, по сути, заморозили. Но при износе инфраструктуры жилкомхоза от 80 до 100 % привлечение сюда инвестиций – дело нереальное. В этих условиях бизнес в ЖКХ только кажется лакомым куском»²⁹.

Важным объектом гипостазирования стало и понятие «частной инициативы». Как будто в ней кроется какая-то магическая сила, как у «невидимой руки рынка». В.В.Путин делает такое утверждение: «Очевидно, что мотором экономического роста является частная инициатива – как российского, так и зарубежного бизнеса, работающего на российской территории».

Почему же это «очевидно»? Как раз наоборот. Это не очевидность, а постулат либеральной доктрины времен Адама Смита, который давно уже опровергнут историческим опытом. Мотором экономического роста, начиная с цивилизаций Тигра и Евфрата с их каналами и дамбами, являются большие организации людей, способные разрешать противоречия интересов, координировать усилия и мобилизовать ресурсы в масштабах, недоступных для частной инициативы. Наиболее высокие темпы и качество экономического роста были достигнуты в СССР в 30-е годы, во время Отечественной войны и в ходе восстановительной программы. Это – общепризнанный в мировой экономической науке факт.

Возьмем реальность наших дней – экономику США, светоча и маяка наших либеральных реформаторов. Из большого кризиса 30-х годов эта экономика вылезла благодаря вмеша-

тельству государства («Новый курс»), а главное, благодаря введению принципов административно-командной экономики времен войны. После окончания войны все были уверены, что США снова сползут в депрессию, если вернуться к примату частной инициативы. Н.Хомский пишет: «Деловая пресса была откровенна на этот счет. Журналы «Fortune» и «Business Week» писали, что наукоемкая промышленность не может выжить «в условиях неограниченной, конкурентной, несубсидируемой экономики свободного предпринимательства» и что «правительство является единственным возможным ее спасителем».

Н.Хомский подробно разбирает одну большую государственную программу США – создания новых технологий и их передачи в частный сектор. «Масштабы программы, – пишет Н.Хомский – быстро расширялись в период правления администрации Рейгана, которая вышла за все мыслимые рамки, нарушая принципы рынка... При Рейгане главная исследовательская структура Пентагона, ДАРПА, активно занималась внедрением в различных областях новых технологий... Это Управление занималось также учреждением внедренческих компаний. Журнал «Science» поместил статью, в которой отмечается, что при Рейгане и Буше «ДАРПА стало основной рыночной силой в передаче новых технологий нарождающимся отраслям промышленности». Администрация Рейгана, кроме того, в два раза увеличила защитные барьеры; она побилла все послевоенные рекорды в области протекционизма»³⁰.

Но все это в политкорректных выражениях представляется как действие «невидимой руки рынка». Н.Хомский пишет о недавнем курьезном случае – о том, как Глава Федеральной резервной системы (Центробанка США) А.Гринспен в 1998 г. выступал перед редакторами американских газет: «Он страстно говорил о чудодейственных свойствах рынка, об удивительных вещах, которые стали возможны благодаря тому, что потребитель проголосовал за них своим кошельком и т. д. Он привел несколько примеров: Интернет, компьютеры, информационные технологии, лазеры, спутники, транзисторы. Любопытный список: в нем приведены классические примеры творческого потенциала и производственных возможностей государственного сектора экономики.

Что касается Интернета, эта система в течение 30 лет разрабатывалась, развивалась и финансировалась главным образом в рамках госсектора, в основном Пентагоном, затем Национальным научным фондом: это относится к большей части аппаратных средств, программного обеспечения, новаторских идей, технологий и т. д. Только в последние два года она была передана таким людям, как Билл Гейтс, который заслуживает восхищения, по крайней мере, за свою честность: он объясняет достигнутый им успех способностью «присваивать и развивать» идеи других, а эти «другие», как правило, работают в госсекторе. В случае с Интернетом предпочтения потребителя не играли почти никакой роли; и то же самое можно сказать применительно к ключевым этапам разработки компьютеров, информационных технологий и всего остального – если под словом «потребитель» не подразумевается американское правительство, то есть государственные субсидии»³¹.

Другие примеры – экономический рост Японии, стран Юго-Восточной Азии, сегодня Китая. В этих случаях мотором была не «частная» инициатива, а большие государственные программы развития, в которых с высокой степенью координации соединялись предприятия разных типов и даже разные уклады. Недавно в Японии опубликован многотомный обзор японской программы экономического развития начиная со Второй мировой войны. В нем говорится, что «Япония отклонила неолиберальные доктрины своих американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству». Примерно то же самое пишет председатель Совета экономических советников при Клинтоне лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц об «уроках восточно-азиатского чуда», где «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию» рынка³².

Да и мы сами видим, что если бы в РФ все отдали в руки частной инициативы, да еще предоставили ей экономическую свободу, то всех нас уже до нитки бы раздели и за рубеж наше рваньё отправили.

Глава 3 Учебные примеры гипостазирования: свобода, демократия, гласность

Глубокая деформация сознания произошла в связи с интенсивным использованием идеологами понятий *свобода* и *демократия*. Этим абстрактным и многозначным понятиям придавали значение каких-то реальных сущностей – и ради них ломали устойчивые, необходимые для жизни установления и отношения.

Перестройка началась с того, что были разрушены всякие разумные очертания самого понятия *демократии*. Из истории мы знали, что такое античная демократия – у нее были вполне конкретные признаки. Затем, на протяжении веков, в разных странах и культурах существовало множество политических режимов и общественных институтов, которые обладали теми или иными признаками демократических отношений (например, казачий круг, сход сельской общины, вече Новгорода). Знали мы и о буржуазной демократии западного общества, специфической политической системе со своими специфическими институтами. И вдруг в сознание стали накачивать образ некой *абсолютной* демократии вне времени и пространства, которую мы должны немедленно внедрить у себя в стране, ломая прежнее жизнеустройство.

Этот образ стал такой всемогущей сущностью, что нельзя было не только сказать что-то против него, но даже усомниться, задать вопрос. Политики использовали его как дубинку – при том, что это понятие стало наполняться не только разнородными, но прямо взаимоисключающими элементами. Идеологи избегали давать этому понятию связанное определение, а люди и не спрашивали – хотя никакого молчаливого согласия относительно смысла этого слова в нашем обществе не было, а значит, его употребление как общеизвестного и однозначно понимаемого термина нарушало нормы рациональности.

В специальной малотиражной литературе указывалось на неправомерность, а часто и на абсурдность использования слова «демократия» в разных контекстах перестройки. Политики не обращали на эти предупреждения никакого внимания. Например, Г.Х.Попов считал, что демократическому движению присущи экстремизм и национализм, что совершенно несовместимо с главными родовыми признаками демократии. Обычным выражением стало тогда «радикальные демократы» – нелепое сочетание двух несовместимых качеств³³.

Выступая в 1990 г. в МГУ, А.Н.Яковлев поучал: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этакий маленький Сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос – и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи»³⁴.

Это заявление по смыслу чудовищное – в сознании, дескать, не должно быть никаких тормозов, никаких «полицмейстеров», на него не должны влиять никакие «морально-психологические факторы». Это – утопия освобождения разума от совести, превращения *разума* в *интеллект*, утопия создания из разумного человека искусственного гомункула. Устранение из сознания запретов нравственности ради того, чтобы «думать демократически, радикально», как раз и ведет к разрушению *рациональности*, ибо при устранении постулатов этики повисает в пустоте и логика, эта «полиция нравов интеллигенции».

Вот, в 1990 г. на «круглом столе» по проблеме свободы, организованном журналом «Вопросы философии», выступил целый ряд видных интеллектуалов. Читаешь, и не верится, что они говорили всерьез – так это не вязалось с очевидной реальностью и логикой. Какие идолы бродили в их сознании!

Выступает доктор юридических наук из Института государства и права АН СССР Л.С.Мамут. Он дает такую трактовку категории свободы: «Свободу уместно рассматривать как

такое социальное пространство для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение... Свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека. Она неделима. Всякий раз, когда ставится под вопрос та или иная свобода (не о преступниках, естественно, разговор), тем самым ставится под вопрос свобода вообще. Эта истина известна уже давно»³⁵.

Допустим, что рассуждение Л.С. Мамута не продиктовано скрытым интересом об ослаблении всех форм «внеэкономического принуждения» на время грядущей приватизации и возникновения необъяснимых финансовых состояний. В таком случае перед нами пример поражения рационального сознания. Уже первая фраза лишает данное понятие свободы всякого смысла, ибо не существует и не может существовать «социального пространства для жизнедеятельности субъекта, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение». Перефразируя Аристотеля, можно сказать, что в таком пространстве могут жить только боги и звери, но, видимо, все же не о них идет речь (во всяком случае, как показали наши «субъекты», речь идет не о богах). Человек возник как существо социальное, обладающее *культурой*, а культура и есть прежде всего *ограничение* свобод животного. Эта истина известна уже давно. Экономика (имеется в виду рыночная, а не «натуральное хозяйство») – вообще недавно возникший способ ведения хозяйства, и до него все виды принуждения были внеэкономическими. Может быть, и свобода возникла вместе с рыночной экономикой? До какой глупости договаривались возбужденные перестройкой интеллектуалы!

Примечательна оговорка, которую вводит правовед, требуя «социального пространства, в котором отсутствует внеэкономическое принуждение» – «не о преступниках, естественно, разговор». Эта оговорка лишает смысла все рассуждение, ибо преступники возникают именно потому, что в пространстве присутствует внеэкономическое принуждение в виде запретов (законов). Человек становится преступником не потому, что совершил *невыгодное* действие (нарушил норму экономического принуждения). Он преступил закон, за которым стоит неподкупная сила.

Мысль, будто «свобода никогда не может перестать быть высшей ценностью для человека», банальна до пошлости и очевидно неразумна, тем более в устах юриста. Мало того, что человечество пережило тысячелетние периоды прямых несвобод типа рабства, и эти несвободы были общепризнанной нормой и образом жизни. И в новейшее время массы людей шли и идут в тюрьму и на каторгу, то есть жертвуют свободой ради иных ценностей – и благородных, и низменных. Кстати, в те же годы, когда проходили подобные «круглые столы», единомышленники Л.С. Мамута любили повторять, что «Россия – тысячелетняя раба», что «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба» и пр. Выходит, в России изначально поселился особый биологический вид *нелюдей*, внешне напоминающих человека?

Наконец, тезис о том, что «свобода неделима», просто нелеп. Все рассуждение теряет смысл. В любом обществе в любой исторический момент существует конкретная система неразрывно связанных «свобод и запретов», и система эта очень подвижна. Более того, в истории XX века мы в разных обличьях видели общую закономерность: освобождение неминуемо сопряжено с каким-то новым угнетением. Как сказал Блок,

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи...

М.Фуко высказал очевидную вещь, которая начиная с Канта на все лады обсуждалась множеством философов: «Антиномия права и порядка лежит в основе современной политической рациональности». Свобода (право) и порядок (принуждение) находятся в неразрывной диалектической связи. Иными словами, свобода – очень широкая категория, которая в реальности представлена динамической системой множества «делимых» свобод, которые в то же

время выворачиваются в «несвободы» как само условие существования свобод. И в ходе развития общества как раз то одна, то иная свобода ставятся под вопрос, а затем и подавляются, давая место новым свободам. Сам же Кант, стараясь кратко объяснить суть Просвещения как обретения человечеством совершеннолетия и свободы разума, дал такую формулу: «Повинуйтесь, и вы сможете рассуждать сколько угодно»³⁶. В сознании наших интеллектуалов, похоже, произошел откат к безответственному отрочеству в обеих частях формулы – они отвергают повиновение и одновременно отказываются рассуждать.

Другой оратор, философ Э.Я.Баталов, на том «круглом столе» тоже подтверждает неделимость и абсолютный характер свободы: «Нет свободы американской, китайской, русской или французской. Свобода едина по природе и сути, хотя продвинуться по пути свободы то или иное общество или индивид могут на неодинаковую глубину... Или она есть как сущность, или же ее нет совсем».

Ну разве можно считать это тоталитарное, манихейское суждение разумным! Ведь оно ликвидирует всякую основу для рационального представления проблемы и рационального поведения. Если следовать этой логике, то или свобода есть и она есть *вся целиком*, так что и говорить не о чем – «или же ее нет совсем», так что тоже говорить не о чем.

Явно несуразно и утверждение, будто «свобода едина по природе и сути», независимо от места и времени. Даже непонятно, как такое могло придти в голову образованному человеку³⁷. Ведь это противоречит очевидности! Представление о свободе, а значит, и ее облик, есть продукт культуры, «по природе и сути» этот продукт изменяется со временем, иногда очень быстро, даже в лоне одной культуры, не говоря уж о разных обществах и цивилизациях. Индейцы не могли приспособиться к ограничениям их свободы передвижения и потому не годились для работы на плантациях, просто умирали. А африканцы с их навыками жизни в деревенской общине и пластичной психикой смогли жить, иметь потомство и интенсивно работать в тяжелых условиях рабства – и миллионы их были насильно завезены в США.

Возьмите любой класс свобод, и сразу видны различия в их толковании в разных культурах. Вот, например, *свобода слова*. Гоголь говорит: «Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку... Опасно шутить писателю со словом. Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших!»³⁸ Здесь свобода слова определена ответственностью – «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». А вот формула культуры общества свободных индивидов, которую дал Андре Жид (вслед за Эрнестом Ренаном): «Чтобы иметь возможность свободно мыслить, надо иметь гарантию, что написанное не будет иметь последствий». Можно ли сказать, что «нет свободы русской или французской»? Нет, это было бы глупо.

Это же касается и других классов свободы. Неужели не читали наши философы одного из последних стихотворений Пушкина – «Недорого ценю я громкие права, от коих не одна кружится голова»? Ведь это почти философский трактат. Н.Бердяев, этот «философ свободы», уделяет много места тому представлению о свободе, которое сложилось в русской культуре. Он подчеркивает, что эту свободу русский народ «никогда не уступит ни за какие блага мира», не предпочтет «внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним», и что речь идет именно о *свободе*, а не о «дикости», «анархии» и «воле», о которых так любили говорить во времена перестройки³⁹.

О какой же свободе речь? Бердяев пишет: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства... Россия – страна бытовой свободы, неведомой народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей... Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей»⁴⁰.

А как обстояло дело с «бытовой свободой» на Западе, в историческом разрезе? Вот, например, под каким надзором жили французы. После 1680 г. каждый человек старше семи лет мог потратить в год 7 фунтов соли – но только для варки пищи. На другие цели использовать соль запрещалось – для этого на особом складе надо было покупать другую соль, получать на нее справку и при первом требовании предъявлять ее соляным инспекторам. Если приставы находили, что какой-то крестьянин засолил на зиму сало или свинину солью из положенных 7 фунтов, мясо конфисковывалось, а на хозяина налагался огромный штраф в 300 ливров. И эти приставы постоянно шныряли по домам, открывали бочонки с солониной и измеряли крепость рассола, пробовали соль в солонке и арестовывали хозяев⁴¹. Надо думать, отвязаться от них без мзды было непросто.

Таким образом, свобода, как одна из «исторически своеобразных форм нашего отношения к вещам, к другим людям и к самим себе», обладает большим разнообразием и по-разному воплощается в разное время в разных культурах. Более того, разные воплощения свободы в одном месте и в один и тот же момент могут находиться в противоречии, причем нередко неразрешимом, трагическом. Даже не верится, что целый синклит ведущих философов Москвы, который собрался за этим столом, мог не видеть такой элементарной вещи – но ведь он благосклонно поддакивал Л.С.Мамуту и другим корифеям, которые несли аналогичную чушь⁴².

Дело в том, что интеллигенция мечтала о свободе червяка, не ограниченного никаким скелетом. Она отошла от рациональности Просвещения, которая, по выражению М.Фуко, есть «терпеливый труд, оформляющий нетерпение свободы». В статье «Патология цивилизации и свобода культуры» (1974) Конрад Лоренц писал: «Функция всех структур – сохранять форму и служить опорой – требует, по определению, *в известной мере пожертвовать свободой*. Можно привести такой пример: червяк может согнуть свое тело в любом месте, где пожелает, в то время как мы, люди, можем совершать движения только в суставах. Но мы можем выпрямиться, встав на ноги – а червяк не может»⁴³.

Скептицизм людей в отношении всей этой «свободы без берегов» вызывал у архитекторов перестройки очень болезненную реакцию. Они клеймили консерватизм рассудительной части общества, выходя при этом за рамки разумного. М.С.Горбачев применил такую логику: «Когда ты десятилетия живешь в таком обществе, то возникают определенные стереотипы, привычки, создается своя особая культура (если это можно назвать культурой – может быть, это антикультура), свои правила и даже традиции. Участью общества была боязнь перемен. Для многих стала характерной неприязнь к новым формам жизни, к свободе»⁴⁴.

Все это – глупость с примесью фанатизма. М.С.Горбачев просто обругивает культуру своей страны, а читатели должны сам факт порицания принимать за доказательство обвинения! А если вдуматься – что же плохого в том, что в «этом обществе» возникают стереотипы, привычки, своя особая культура, свои правила и даже традиции? Разве существует где-нибудь общество без всего этого? Наоборот, все это – необходимые атрибуты любого устойчивого общества. И разве «боязнь перемен» – какой-то небывалый дефект именно советского общества? Да это элементарное условие существования общества, любой сложной системы!

И не должны мы прятаться оттого факта, что менее образованные люди оказались более разумными – они гораздо более осторожно и скептически относились к лозунгу безграничной свободы. Какую это вызывало злобу и, главное, непонимание! А.Н.Яковлев пишет: «Да, в 1985 г. я, например, не предполагал, что у нас такой огромный запас консерватизма в обществе. Мне казалось, что стоит только провозгласить – свобода, гласность, демократия! И такое забурлит! Только б удержать энтузиазм! Но все оказалось намного сложнее, труднее. Вы видите, борются даже против демократии, а часть людей раздражена гласностью, считает, что это дело вредное»⁴⁵.

Нелогичным было и то представление о контексте свободы, которое накачивали в сознание идеологи перестройки и их интеллектуальные соратники. Это представление было увязано с демократией (причем определенно имелась в виду именно западная демократия). Понятия свободы и демократии считались почти синонимами. Профессор права Б.Пугачев («известный политолог») даже опубликовал в «Российской газете» (17.03.1992) статью с замечательным названием: «Демократия равна свободе. Свобода самоценна». Возражений не последовало, наша интеллектуальная элита даже не поинтересовалась, откуда взялась такая странная концепция. Ведь, что ни говори, а демократия, какая бы она ни была, есть *власть*. А любая власть есть принуждение, ограничение свободы.

Уж если следовать за мыслью философов гражданского общества, то движение к цивилизации и возникновению общества и демократии они понимали именно как последовательное ограничение свобод «естественного» человека. Гоббс пишет: «Природа дала каждому право на все. Это значит, что в чисто естественном состоянии, или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести...» (см.⁴⁶).

Представление Гоббса ошибочно, его образ «человека естественного» – чистая идеология. Но здесь это не важно, а важно то, что даже родоначальники либерализма не могли помыслить того, что вдруг начали вещать наши проваренные в историческом материализме обществоведы.

А ведь во время перестройки на щит подняли Н.Бердяева! Выходит, на щит подняли, но почитать его никто не удосужился. Он писал: «Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, – она должна была принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером, не только не освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия... Инстинкты и навыки абсолютизма перешли в демократию, они господствуют во всех самых демократических революциях».

Что же касается западной демократии, то она в ходе своего исторического развития как раз и породила государство-Левиафан, которое предсказал Гоббс. А.Тойнби в своем главном труде «Постижение истории» пишет об утверждении на Западе культа Левиафана, начиная с Рима первых веков нашей эры: «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту».

Более того, и в самой современной версии либерализма (неолиберализме) признается наличие противоречия между демократией и свободой. Давая философское обоснование неолиберализма, Г. Радницки подчеркивает это различие: «Идея свободного порядка легко может войти в конфликт с определенными типичными применениями демократического метода... Чем больше областей подвергается «демократизации», тем уже круг решений, которые остаются во власти индивидуума, и тем в большей степени разрушается индивидуальная свобода»⁴⁷.

Но эта историческая и современная реальность была неинтересна нашей прогрессивной интеллигенции. Она построила себе утопический примитивный образ и поверила в него, как в сущность. И в него призывала втиснуть нашу реальную жизнь.

Второй провал рациональности в связи с представлением о демократии вызван тем, что оно было изначально увязано с частной собственностью и рынком. Упомянутый выше Э.Я.Баталов говорил на «круглом столе» в «Вопросах философии»: «Не буду заниматься тщетными поисками определения демократии. Скажу только, что суть ее вижу в существовании между гражданами отношений рыночного типа – неважно, идет ли речь о демократии в политике, экономике и культуре... Словом, есть рынок – есть демократия, нет рынка – нет демократии. Третьего не дано, точнее, третье – казарма».

Ему вторит известный философ В.М. Межуев: «Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно ее защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют, – средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой... Иными словами, это общество частных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как независимые друг от друга индивиды – самостоятельные собственники и хозяева своего частного дела»⁴⁸.

Впечатление такое, будто сознанием наших интеллектуалов на время и впрямь овладели идола, образы ложных сущностей. Их рассуждения о связи собственности с демократией обнаруживают такой регресс относительно исторического знания, что их и рациональными назвать уже нельзя. Даже кадеты начала XX века, оказавшись несостоятельными в российской политике, все же были гораздо ближе к реальности и логике. М.Вебер, объясняя коренное отличие русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит важный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований российских либералов. Как пишет исследователь трудов Вебера историк-эмигрант А.Кустарев, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции»⁴⁹.

Вся идеологическая кампания, направленная на то, чтобы убедить граждан, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека, противоречит давно установленным выводам социологии и философии. Тезис о связи капитализма с демократией отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что пишет М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, – этой неизбежности нашего хозяйственного развития – избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)». В высшей степени смешным!

Наши элитарные гуманитарии не слушали ни Вебера, ни Тойнби, ни Бердяева – не соглашались с ними и не спорили, просто игнорировали. Они поступали не как интеллектуальное сообщество, а как секта, отвергающая нормы рациональности. Допустим, они для себя оправдывали такое поведение тем, что за последние полвека положение сильно изменилось, Вебер и Бердяев устарели, так зачем усложнять дело обсуждением их неактуальных рассуждений. Однако точно также они поступили с предупреждениями современных философов, изучающих взаимоотношения между свободой, демократией и рынком в наши дни, особенно в странах небогатых и бедных. Их рассуждения не довели до сведения нашей интеллигенции и на них не ответили.

Сейчас, просматривая литературу 90-х годов, видишь, что единичные публикации были – когда неприлично было уважаемому автору отказать. Но они были встречены полным молчанием. Ни одного комментария! Это поразительно. Вот, в «Вопросах философии» в 1993 г.

(№ 6) прошла статья Генерального секретаря Всемирной Федерации Философских Обществ, профессора университета Анкары (Турция) И.Кучуради под актуальным для нас названием: «Экономическое неравенство, права человека, демократия и свободный рынок».

Автор пишет, очень осторожно, с реверансами: «За связыванием воедино прав человека, демократии и свободного рынка, ставшим в последнее время очень популярным, стоит скорее ценностное суждение, нежели концептуальное или эмпирическое отношение. Если считать, что права человека, демократия и свободный рынок сущностно взаимосвязаны, то это мнение, наряду с другими факторами, может усилить и без того острое экономическое неравенство как внутри отдельной страны, так и между странами, может создать новые формы неравенства и породить новые разочарования в странах, вставших, как говорится, «на путь освобождения от марксизма»...

Полностью «свободный рынок» в небогатых странах означал бы... отказ от возможности сделать основные права человека определяющим фактором в установлении и изменении любых экономических отношений... Поэтому концепция полностью «свободного рынка» и то, что несет с собою идея прав человека, представляются несовместимыми, по крайней мере для бедных и небогатых стран».

В этой статье автор ссылается на подведенный в середине 80-х годов итог исследований взаимодействия рынка и демократии в небогатых и бедных странах в течение предыдущих 30 лет. В ней высказано много важных, а для нас очевидно актуальных суждений. Ни на этот итог, ни на суждения на бесчисленных «круглых столах» в российском философском сообществе не было ни ссылки, ни критического комментария, ни какой-либо другой реакции. наших гуманитариев как организованное сообщество реформа как будто смыла с лица земли, они забились по щелям и не сказали обществу ничего связного ни по одному существенному вопросу. Нету них прочного мыслительного каркаса, все расплывается, как гнилая тряпка.

Говорить о причинно-следственной связи между рынком, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм – порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и появиться не мог. Вот что пишет философ Г. Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм «вынул» из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития». Так что утверждение, будто частная собственность и рынок порождают демократию и только демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Поразительно, как оно могло быть принято интеллигенцией, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс в России.

С понятием демократии тесно связано и понятие *права*. То, как трактовали это понятие представители нашей гуманитарной элиты, поражает своей несовместимостью с логикой и общеизвестной реальностью. Философы перестройки утверждали «самозаконность человеческого поведения»! Подумать только – отрицали саму возможность общества и государства ограничивать поведение индивида общими правовыми нормами. *Самозаконность!*

Ясно, что они при этом верили в то, что советский строй был неправовым – и, навязывая нам эту «самозаконность», по выражению Тойнби, самодовлеющего индивида, немало сделали для того, чтобы погрузить наше общество в правовой беспредел 90-х годов. Страшно то, что, служа идеологическим прикрытием для самой подлой и примитивной преступности, наши утонченные философы, похоже, действительно не понимали, что творят. Да вряд ли поняли и сегодня – никаких явных признаков понимания не видно.

На том «круглом столе» 1990 г. в «Вопросах философии» Э.Ю.Соловьев, ссылаясь на Канта, с большим апломбом утверждал: «О наличии в обществе права можно говорить лишь в том случае, если член этого общества признан государством в качестве разумного существа,

способного самостоятельно решать, что для них хорошо... Цели людей не подлежат властно-законодательному определению».

В такой трактовке само понятие правового общества теряет смысл, поскольку такого общества и такого государства не может существовать в принципе. И уж тем более неправовым при такой трактовке оказывается буржуазное государство, которому весь этот синклит философов пел дифирамбы. В своей «Энциклопедии социальных наук» основоположник современной западной доктрины пропаганды Г. Лассуэлл заметил: «Мы не должны уступать демократической догме, согласно которой люди сами могут судить о своих собственных интересах».

Но еще более нелепа эта трактовка права, если подойти к ней «снизу», от жизненной реальности. Надо вдуматься в картину того «правового» общества, которое последовало бы императивам, сформулированным Э.Ю.Соловьевым! Значит, и Чикатило, и Шамиль Басаев имеют право «самостоятельно решать, что для них хорошо». Более того, они имеют право превратить свои решения в цели, а затем и реализовать эти цели в виде деятельности – ведь их поведение обладает *самозаконностью*. Ни общество, ни государство в это их целеполагание и поведение не должны вмешиваться – в противном случае философ признает это общество и это государство неправовыми. Это нормально?

И ведь философу Э.Ю.Соловьеву вторит юрист В. Д. Зорькин: «Человек обладает разумом и волей и имеет свободу выбора поведения на основе внутреннего самоопределения». Можно ли поверить, что полковник юстиции говорит это искренне? Как это «свобода выбора поведения на основе внутреннего самоопределения»? Зачем же тогда законы, полиция, полковники юстиции? Мы что, отказываемся от цивилизации и узакониваем мрачную утопию Гоббса, согласно которой «естественный» человек якобы имеет право на все и ведет «войну всех против всех» согласно праву на «свободу выбора поведения»? Да ведь и Гоббс, даже приняв эту совершенно ошибочную антропологическую модель, считал, что, став цивилизованным, человек от этой свободы отказывается, передавая ее государству.

А законодатель в сфере исторического материализма М.Я.Ковальзон и к понятию правового государства ухитрился пристегнуть требование узаконить частную собственность. Уже в 1990 г. он раскаялся в своих марксистских заблуждениях и влился в общий хор рыночных гуманитариев. Разумеется, на антисоветской ноте: «Как и почему у нас сложилось неправовое государство? Что нужно сделать, чтобы у нас утвердились право, свобода, демократия?... Право по сути есть юридическое выражение отношений собственности, возникающее там, тогда и постольку, где существуют и соотносятся не просто различные, а именно частные собственники... Только в обществах, основанных на частной собственности, с необходимостью порождающей социальное неравенство, появляется такая система норм общественного поведения, которая может сохранять свою действенность лишь при наличии силы государства».

Итак, наши философы-марксисты уже и социальное неравенство считают за благо и гарант правового общества. Какой маразм! И эти люди писали и пишут учебники для наших университетов.

Всякие рациональные очертания потеряло в годы перестройки и понятие «гласность». Казавшиеся вполне разумными люди призывали к полному устранению цензуры, к сбрасыванию абсолютно всех покровов с отношений между людьми. Видимо, большинство образованных людей клюнуло тогда на примитивную приманку «свободных мнений» – прежде всего, очерняющих собственную страну и ее историческое прошлое. Трудно было удержаться в стороне от этого общего порыва. Поразительно другое – сколь большая часть интеллигенции задержалась в этом потоке, когда пора было увидеть, что вся эта «гласность» была приступом иррациональности, довольно-таки постыдным для образованного слоя. Многие плывут в этом потоке и до сих пор (но в искренность этих людей поверить уже невозможно – тут или политический интерес, или невозможность найти путь назад, все мосты сожжены).

Как тяжело было смотреть, после того как прошло возбуждение первой волны перестройки, какумные и честные люди продолжают заглатывать пустые, дешевые идеи, требуют их все больше и больше, хватаются за газеты, не могут оторваться от телевизора – без всякого чувства меры. Им просто нет времени задуматься, сделать собственное умозаключение. Ницше писал о таком состоянии: «Легкое усвоение свободных мнений создает раздражение, подобное зуду; если отдаешься ему еще больше, то начинаешь тереть зудящие места, пока, наконец, не возникает открытая болящая рана»⁵⁰. Это и случилось с нами во время перестройки – и этому мы не сумели противопоставить рассудительность.

Идеологи делали тогда заявления тоталитарные, лишенные всякого разумного смысла. Вот высказывание А.Н.Яковлева: «Иногда и у нас говорят о том, что невинно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает»⁵¹. И почему же это надо принимать за довод в пользу беспредельной гласности? Ведь это просто глупость! Разве следует делать именно то, что людям мешает? Почему же не уважить людей, которые просят не мешать им жить?

А вот высказывание самого М.С.Горбачева: «Когда я об этом говорю, то одновременно вновь и вновь подчеркиваю: мы за гласность без всяких оговорок, без ограничений... и на вопрос, есть ли у гласности, критики, демократии пределы, мы отвечаем твердо: если гласность, критика, демократия в интересах социализма, в интересах народа – они беспредельны!»⁵². Правда, Горбачев хотя бы сделал оговорку, по сути отрицающую весь тезис (гласность у нас беспредельна, но только в пределах интересов социализма, а интересы социализма определяет номенклатура КПСС).

Но ведь сам этот продукт гипостазирования – придание расплывчатому понятию *гласность* статуса абсолютного приоритета в нашей жизни – засел в сознании множества людей и до сих пор там сидит. Вспомним первые выборы народных депутатов СССР в 1989 г.! Однажды целой группе конкурентов во время дебатов на телевидении был задан один вопрос: «Считаете ли вы, что гласность должна иметь какие-то пределы?» И с телеэкрана все они *до одного* (а это были весьма почтенные интеллигентные люди) заявили совершенно безумную вещь: гласность должна быть *абсолютной*, никаких ее ограничений они, будучи депутатами, не допустят. И это – вопреки здравому смыслу. О каких правах человека может идти речь при «неограниченной гласности», когда не может укрыться ни одно твое движение, ни одна мысль? Заметим, что эта болезнь интеллигенции – расщепление логики – вызревала довольно давно.

Из всей истории с гласностью мы обязаны извлечь урок. Он важен не только в академическом, но и сугубо практическом плане. Ведь эта история не кончилась с крушением советской государственности, ради которого эта гласность была затеяна. Она, получив мощную поддержку образованного сословия и одновременно власти, стала жить собственной жизнью, став, в новых формах, фактором разрушения и даже криминализации общества и государства. Постулаты гласности узаконили скандал и шантаж в качестве признанного инструмента власти. Чем была история устранения генерального прокурора РФ Скуратова с помощью скандальной (точнее, преступной) видеозаписи? Сильным ударом и по праву, и по нравственности. Ведь М.Швыдкой, пустивший эту видеозапись в эфир, стал министром культуры, а В.В.Путин, выполнивший указание Кремля об устранении Скуратова, стал президентом. Никакой последующей оценки этого применения принципов гласности не последовало.

Так что вспомним сами эти принципы и попытаемся реконструировать ход мысли интеллигенции, которая эти принципы поддержала в середине 80-х годов. Вся доктрина гласности – лабораторная разработка гуманитариев из окружения Горбачева. Ее прототип – развитая Руссо концепция государства, где власть осуществляется посредством *общественного мнения*. Для его формирования и требуется *гласность*. Само это понятие в западных языках обозначается словом «прозрачность» (*transparency*).

М.Фуко говорит об этой концепции Руссо: «Мечта о прозрачном обществе, одновременно видимом и читаемом в каждой из его частей; мечта о том, что чтобы больше не оставалось каких-либо темных зон, зон, устроенных благодаря привилегиям королевской власти либо исключительными преимуществами того или иного сословия, либо, пока еще, беспорядком; чтобы каждый с занимаемой им точки мог оглядеть все общество целиком; чтобы одни сердца сообщались с другими; чтобы взгляды больше не натывались на препятствия; чтобы царило мнение, мнение каждого о каждом»⁵³.

Да, была такая утопия во Франции в XVIII веке. Вопрос в том, как она могла найти отклик в душе русских интеллигентов конца XX века! Ведь для этого надо было отключить и рассудок, и память. Ибо уже в том же XVIII веке обнаружилось, что эта утопия самым естественным образом порождает технократическую практику тоталитаризма, что и было затем отражено в множестве и философских, и художественных произведений, в том числе тех, которые были прославлены во время перестройки («1984» Оруэлла, «Мы» Замятина, «Защита Лукина» Набокова). Не видеть этой связи просто невозможно!

Приняв идею гласности, каждый соглашался с тем, чтобы в его спальне была установлена скрытая камера, и любой большой или маленький швыдкой мог пустить видеозапись в большой или маленький эфир. Прозрачность – так прозрачность! Образованный и способный к логическим рассуждениям человек не мог этого не видеть. Если не увидел, значит, его интеллектуальные инструменты были сильно испорчены, и он должен этот вопрос для себя прояснить.

Мало кто задумывается над смыслом неприятного слова «паноптикум». А ведь оно обозначает вполне конкретный технократический проект, порожденный концепцией прозрачности (гласности). Это власть, основанная на возможности *увидеть все* – паноптикум. Широкая публика вряд ли знает, но советники Горбачева были большие эрудиты и наверняка слышали о знаменитом английском юристе Иеремии Бентаме, авторе труда «Паноптикум», изданного в конце XVIII века. Бентам изобрел тюрьму нового типа, вывернув наизнанку принцип темницы – все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни. Тьма укрывает, для тоталитарной власти нужна прозрачность! Фуко назвал Бентама «Фурье полицейского государства». Его паноптикум стал утопией тоталитаризма, он выражается в самых разных формах. И это с пеной у рта приветствовали наши интеллигенты-демократы.

Они, конечно, скажут, что они хотели не этого, они хотели только Руссо. Но разве можно признать такую наивность свойством рационального мышления? Фуко отметил очевидную вещь: «Эти двое прекрасно дополняют друг друга, и все работает: и лирическая восторженность Руссо, и одержимость Бентама» (с. 229). Эта неспособность видеть оборотную сторону светлой утопии (*аутизм*) – важный признак поражения рациональности, и наша интеллигенция проявляла и проявляет этот признак очень красноречиво.

Бентам и Руссо не просто дополняют друг друга, они связаны друг с другом, являются частями одной большой идеи. Фуко поясняет эту связь даже без привязки к проекту паноптикума: «Власть, главной движущей силой которой станет общественное мнение, не сможет терпеть ни одной затененной области. И если замысел Бентама привлек к себе внимание, то это произошло потому, что он давал применимую к большому числу различных областей формулу, так сказать, «власти через прозрачность», покорения посредством «выведения на свет» (с. 231).

Кстати, и в самом простом отношении интеллигенция, поддержав разрушение советского строя ради «гласности», фундаментально ошиблась. Даже непонятно, почему она решила, что демонтаж всех выработанных в СССР механизмов участия общества во власти (массовая партия, массовое и представительное участие в Советах, общие собрания трудовых коллективов с обязательными отчетами руководителей, органы народного контроля и, наконец, идеологические нормы) приведут к повышению ее «прозрачности». Это предположение противоречило

всякой логике, и тенденцию к полному отрыву власти от общества мы увидели уже при Горбачеве. А уж потом...

И давайте признаем откровенно, что с концепцией свободы, которую навязывали и навязывают идеологи перестройки, а затем реформы, жестко сцеплена самая пошлая и примитивная *руссофобия*! Поразительно, как легко была внедрена в сознание нашей интеллигенции плоская трактовка западной свободы. Историк-эмигрант Н.И.Ульянов пишет о западниках: «У нас всегда полагали, что на Западе и цари либеральнее, и полиция добрее, и реакция – не реакция... С давних пор отшлифовался взгляд на сомнительность русского христианства, на варварство и богопротивность его обрядов, на отступничество русских, подлость их натуры, их раболепие и деспотизм, татарщину, азиатчину, и на последнее место, которое занимает в человеческом роде презренный народ московитов. На начало 30-х годов XIX в. падает небывалый взрыв руссофобии в Европе, растущий с тех пор крещендо до самой эпохи франко-русского союза»⁵⁴.

А в Москве эта руссофобия вспыхнула, как только номенклатуре удалось высвободиться из-под гнета советской идеологии. Вот советник Ельцина по науке философ А.И.Ракитов в академическом журнале «Вопросы философии» излагает «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации». Здесь весь набор отрицательных «имперских» качеств, в качестве итога их дается такое суждение: «ложь, клевета, преступление и т. д. оправданы и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т. е. укреплению военного могущества и расширению территории». Как обычно, поминаются Иван Грозный с другими тиранами и подчеркивается, что их патологическая жестокость была не аномалией, а имманентно присущим России качеством: «На этих [имперских] фундаментальных принципах нашей цивилизации было построено все довольно детально разработанное и изощренное законодательство... Поэтому надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправедливости, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях»⁵⁵.

Могли ли мы предполагать, что этот примитивный, неразумный вариант западничества снова расцветет в нашей интеллигенции в конце XX века!

Сейчас все уже подзабыли, как в конце 80-х и начале 90-х годов прошла удивительная по своей тупости кампания на тему «Россия – тысячелетняя раба». Кампания прошла, но идеологи остались, просто они капают свой яд в иной дозировке и в иных художественных оболочках. Но разве позволительно интеллигенции пропустить это мимо ушей и не задуматься о корнях этой программы и о собственной утрате критического чувства? Ведь все эти пропагандисты нисколько не утратили своего авторитета в образованном слое России.

Вот, например, недавнее рассуждение Б.Сарнова: «Ведь мы живем в стране с тяжелой наследственностью, и это не только советская наследственность, она ведет свою историю еще от Ивана Грозного, царствования Николая I. Недавно я как раз в связи с нашей темой, о возможности соотношения жесткой власти и свободного рынка, читал интервью с Андреем Кончаловским, который высказал четко обозначенную позицию: русскому народу свобода не нужна»⁵⁶. Это говорится в 2004 г. – ничего не изменилось!

Понимание свободы, которая якобы не нужна русскому народу, у Сарнова с Кончаловским удивительно примитивное. Даже не верится, что такое может быть, – но ведь они и им подобные эту куцую мысль бубнят уже двадцать лет! Ни за какие деньги не станет человек, тем более обеспеченный, так долго повторять такую чушь, если в нее не верит. Ну вспомнили хотя бы культурологов. Ведь культура – это *запреты*, это именно ограничение свободы. Великие умы об этом писали, да это и здравый смысл подскажет. А вот мысль либерального философа:

«Ядро любой культуры стоит на ее «запретах» («глубоко впечатавшихся вето, вытравленных в превосходных и правдивых символах»). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные Штаты как «общество без культуры». Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозволенного»⁵⁷.

С понятием «демократия» вообще произошла странная вещь – люди совершенно перестали замечать принципиально *антидемократические* утверждения политиков. А ведь у наших «рыночников» экономическая свобода жестко отделена от политического либерализма. Такой правый либерализм популярен у российских «новых собственников» именно потому, что очень тонка их социальная база и им не удалось получить печать легитимности на их собственность. Их главная надежда – на авторитарное государство, а их либеральный кумир – Пиночет. Декларации наших правых либералов (например, Е.Ясина) в этом плане очень откровенны.

Как, впрочем, и высказывания господ из элитарной художественной интеллигенции. Фазиль Искандер в день своего юбилея разглагольствует: «Мне кажется, что демократия может закрепиться в стране, где у народа есть традиция добровольного самоограничения. У нас же была традиция насильственного самоограничения. И вот после страшного насильственного самоограничения, возьмем хотя бы советскую эпоху, вдруг выпала полная свобода, и огромное количество людей просто превратились в жуликов, воров, даже убийц. Мне кажется, что подобно тому, как голодающего человека нельзя сажать за пиршественный стол, так и у народа должно было быть время, когда человек свои низменные инстинкты не из высших соображений каким-то образом затапывал, а просто из страха перед возможностью суда, тюрьмы. А так все почувствовали, что все дозволено»⁵⁸.

«Насильственное самоограничение» – какая глупость. И какая подлость! Этот интеллектуал принимал активное участие в разрушении государственности и всех экономических и культурных устоев людей – тех устоев, с опорой на которые людям не было причин становиться жуликами, убийцами и самоубийцами. А теперь, когда вполне предсказуемый результат его действий налицо, он отходит в сторону, взваливает вину на жертв своего разрушительного проекта и зовет городского. Крах рациональности тесно связан и с крахом нравственности.

Ф.Искандер берет простой случай – ведь никто не оправдывает воров и убийц, даже если они стали жертвами доктринеров и были выброшены из общества помимо своей воли. Но теперь принято проклинать и политическую демократию, тот самый инструмент, с помощью которого пришла к власти нынешняя верхушка.

В.В.Путин говорит, например: «Нельзя позволить всяким проходимцам злоупотреблять терминологией из демократического словаря, решая свои клановые интересы».

Это – типично антидемократический тезис. Суть гражданского общества в том и заключается, что граждане группируются согласно своим «клановым интересам» и делегируют в партии, прессу, парламент своих представителей, которые эти интересы отстаивают, «злоупотребляя» той терминологией, которая им кажется наиболее удобной (это и называется *свобода слова*). При этом администрация, включая президента, не имеет права не только запрещать применение той или иной терминологии, но даже и обзывать этих неприятных власти представителей «всякими проходимцами». Для определения границы между употреблением и злоупотреблением, а также между гражданином и проходимцем существует суд, а не исполнительная власть.

В.В.Путин сделал это заявление в обезличенной форме – сегодня оно может быть применено к одному «проходимцу», завтра к совсем другому. Важно, что в рамках «демократического словаря» все это рассуждение есть нонсенс.

Именно та часть интеллигенции, которая выступала под знаменем демократии и многопартийности, активнее всех поддержала явно антидемократическую кампанию против Верховного Совета РСФСР, а потом и против Государственной думы – представительных органов парламентского типа. В этом уже было что-то шизофреническое – в конфликте парламента с

авторитарной кликой Ельцина, с ее явным антиинтеллектуальным и даже криминальным душком, поддержать эту авторитарную клику и при этом искренне называть себя «демократами»!

Историк академик П.В.Волобуев сказал незадолго до своей смерти: «В стране уже несколько лет идет трудный и мучительный процесс становления парламентаризма. И если в дореволюционной России либерально-демократическая интеллигенция всячески поддерживала Государственную думу, то наши «демократы»-интеллигенты через СМИ сделали максимум возможного для дискредитации Верховного Совета сначала Союза, а затем Российской Федерации, создавая в народе представление о нем как о балагане, говорильне, бастионе консерватизма и т. п. Да будет им известно, что они попросту приняли эстафету от черносотенцев – ненавистников парламентаризма. Но мне не припоминается, чтобы черносотенцы требовали «Раздавить гадину!», чем навеки прославили себя нынешние «демократы»... Такой подход вполне отвечает интересам режима, но свидетельствует о социальной забывчивости и политической беспринципности нашей «демократической» интеллигенции. Лично я давно перестал связывать перспективы демократии в России с нашими «демократами» и «либералами». Они, скорее, похожи на ее могильщиков»⁵⁹.

Почти за двадцать лет, с начала перестройки, положение нисколько не улучшилось. Наоборот, гипостазирование вошло в привычку, стало новой нормой мышления. Эта норма воспринята политиками вплоть до верховной власти. Конечно, над выступлениями политиков такого уровня трудится целая рать советников и экспертов, но нас интересует само явление, а не авторство этих умозаключений.

Вот В.В.Путин во многих своих заявлениях отстаивает ценность *экономической свободы*. Понятие это туманное, философское, но в речах президента им обозначается чуть ли не главная наша цель. Вот что сказано в Послании Федеральному собранию 2003 г.: «Необходимо извлечь уроки из нашего опыта и признать, что ключевая роль государства в экономике – это, без всяких сомнений, защита экономической свободы».

Почему же такая странная роль государства утверждается «без всяких сомнений»? Тезис именно *сомнительный*. Что это за священный идол – экономическая свобода? Спросите любого человека на улице, в чем «ключевая роль государства в экономике». Почти каждый скажет как раз противоположное – установление порядка и контроль за ним. Даже либералы любят повторять свой афоризм: «государство – ночной сторож». Да разве дело сторожа «защита свободы»? Совсем наоборот – защита порядка, ограничение свободы жуликов.

А если шире, то ключевая роль государства в экономике – так организовать производство и распределение материальных благ, чтобы была обеспечена безопасность страны, народа и личности, а также воспроизводство физически и духовно здорового населения. Ради этого государство обязано ограничивать «экономическую свободу» рамками общественного договора, выраженного в законах. Причем в законах, опирающихся на господствующие в данной культуре нравственные нормы, а не противоречащих им.

Придавая экономической свободе статус одной из главных сущностей, В.В.Путин исходит из абстрактного постулата: «Сегодня, в современном мире, государство в первую очередь должно обеспечить права и свободы своих граждан, без этого вообще ничего невозможно сделать».

Это – типичный либеральный штамп, пустые слова надуваются, как воздушный шарик. В них нет никакой сущности. Она не здесь, а в жестком определении, *какие* права и свободы имеются в виду, *для кого* эти права и свободы. Если следовать здравому смыслу, то надо уточнить, что базовым правом человека является *право на жизнь*. А ведь оно реализуется через право на труд и уравнительное распределение минимума жизненно важных благ (что возможно лишь при сильном общественном секторе хозяйства). На худой конец, как чрезвычайная мера, право на жизнь осуществляется через социальную помощь «слабым» посредством перераспределения богатства с помощью налогов.

Но в любом случае «экономическая свобода» несовместима с правом на жизнь «для всех», она означает лишь право сильного на жизнь – право того, кто победил в конкуренции. Ведь рынок с его «свободой контракта» отрицает право на труд и на удовлетворение потребности человека в хлебе и тепле. Он удовлетворяет только *платежеспособный* спрос. Милостыня бедным – вне экономики, это благотворительность, права на нее не существует, ее можно лишь просить как милость.

Гипостазирование в связи с понятием экономической свободы имеет и важное международное измерение. В декабре 2003 г. В.В.Путин сделал важные утверждения по проблеме «границ» России, ее «открытости» миру. Тут идея экономической свободы выступает в ее исходном значении – *свободной торговли*. Об этом говорит радость по поводу вывоза тех продуктов, которых остро не хватает в самой России. В.В.Путин сказал: «Впервые за полвека Россия превратилась из импортера зерна в его экспортера. С 1999 года продажи наших продовольственных товаров на зарубежных рынках выросли в три раза. Экспорт нефти, нефтепродуктов и газа увеличился на 18 %, и сегодня Россия является крупнейшим экспортером топливно-энергетических ресурсов в мире».

Но ведь сбор зерна в РФ опустился ниже порога безопасности, скот режут из-за дороговизны комбикорма – а зерно, как в начале XX века, вывозят за рубеж. То же с экспортом нефти. Промышленность парализована, города в полусамерзшем состоянии, а нефти для внутреннего потребления в РФ остается в три раза меньше, чем в советское время. Разве это хороший признак?

Как пишут историки, доктрина «свободной торговли» существовала в двух видах. Первый вид – чистая идеология, навязанная Западом элите зависимых стран. Второй вид – реальная политика насильного раскрытия рынков зависимых стран для метрополии. Колонизация Индии Англией разрушила ее хозяйство. Затем Англия силой заставила Китай открыть свой рынок для английского опиума, который выращивался на английских плантациях в Индии (опиумные войны). В нынешней РФ доктрина свободной торговли внедряется в обоих ее видах – и как идеология, и как реальная практика.

То, что из России вывозится нефть и зерно, полбеды. В огромных количествах вывозится самый дорогой и компактный товар – *деньги*. Уже 12 лет правительство шаг за шагом упрощает этот вывоз, так что сегодня один самолет, вылетевший из Шереметьево, может без всякого оформления вывезти миллион долларов. Иными словами, государство отказывается контролировать вывоз капитала административными средствами. Каков же довод в обоснование такого отказа от одной из обязанностей государства?

В.В.Путин говорит: «Для того, чтобы предотвратить легальный или даже часть криминального оттока капитала, нужно просто создавать более благоприятные условия для инвестирования в собственную экономику».

Просто создавать более благоприятные условия! А если по каким-то причинам таких условий создать невозможно? Например, если из-за холодного климата и высоких издержек на отопление условия для инвестирования в РФ все равно будут менее прибыльными, нежели в экономику Малайзии? Значит, мы обязаны безропотно погибнуть, глядя, как «предприниматели» вывозят достояние страны? К тому же «создать благоприятные условия» – это длительный процесс, а вывоз капитала – процесс моментальный. «Раскрыв» Россию, правительство ставит крест на всякой возможности ее развития. Ради чего? Ради того, чтобы где-то в Давосе наших министров похлопали по плечу (если мы исходим из предположения, что министры не вступили в долю с теми, кто вывозит достояние страны).

Сегодня доктрина свободной торговли, с помощью которой «клуб развитых стран» тормозит развитие стран зависимых, воплощается в ВТО. Правила ВТО сформулированы сильными мира сего, они и получают главную выгоду от «раскрытия» рынков слабых стран. За это слабым странам дают льготы для продажи их дешевых товаров низкого технического уровня –

при условии, что они не будут вести научно-техническую деятельность, предоставив это метрополиям. При этом сильнее всего пострадает именно Россия – она в кризисе, и ее наукоемкие производства будут уничтожены конкуренцией. А в то же время, само преодоление ее кризиса возможно только через восстановление наукоемкого производства.

С какой же целью наши правые политики, включая В.В.Путина, настойчиво стремятся форсировать вступление РФ в ВТО? Ведь они категорически отказываются связно и понятно ответить на самый простой вопрос: *зачем* нам вступать в ВТО? Что мы в ближайшие десять лет собираемся продавать на западных рынках? Для продажи нефти и газа никакой ВТО не надо, их и так возьмут и еще потребуют. ВТО нужна лишь для того, чтобы задавить штрафами и санкциями остатки нашего машиностроения.

Глава 4 Учебные примеры гипостазирования: общечеловеческие ценности

В создании и поддержании идейного хаоса с середины 80-х годов большую роль сыграла догма «*общечеловеческих ценностей*». В основе ее лежит убеждение, будто существует некий единый тип «естественного человека», суть которого лишь слегка маскируется культурными различиями и этнической принадлежностью. Главные ценности (потребности, идеалы, интересы) людей якобы определяются этой единой для всех сутью и являются *общечеловеческими*. Раз так, значит, развитие разных человеческих общностей (народов, культур) приведет к одной и той же разумно отобранной из разных вариантов модели жизнеустройства.

Представление о человеке естественном, которому якобы присущ некоторый набор природных ценностей, противоречит данным современной антропологии и является рецидивом *биологизаторства*, уподобления человеческого общества миру дикой природы, где разные виды ведут борьбу за существование и побеждает наиболее приспособленный вид. Такое представление (социал-дарвинизм) господствовало в общественном сознании англосаксонской части Запада в конце XIX века, а сейчас мы снова наблюдаем его оживление. С тем различием, что этот социал-дарвинизм во время перестройки был поднят на щит и в России, культура которой раньше всегда его отвергала.

Н.Бердяев пишет в 1946 г.: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л.Толстым и Ницше»⁶⁰.

Либералы считают, что наилучшее жизнеустройство – рыночная экономика и демократия западного типа, и эта модель уже достигнута на Западе, а другие народы просто запоздали. Сопrotивляться принятию этой модели для России нельзя, какими бы бедами нам это ни грозило – это все равно что идти против рода человеческого. Возникла даже целая теоретическая концепция о «человеке советском» (*homo sovieticus*) как об аномальном существе, выпавшем из эволюции человеческого рода и не вполне к нему принадлежащем.

Видный социолог В.Шубкин, очень активный во время перестройки, дает такие определения: Человек биологический – «существо, озабоченное удовлетворением своих потребностей... речь идет о еде, одежде, жилище, воспроизводстве своего рода». Человек социальный – «в социологии его нередко определяют как «внешне ориентированную» личность в отличие от личности «внутренне ориентированной»... он «непрерывно, словно четки, перебирает варианты: это выгодно, это не выгодно... Если такой тип не нарушает какие-то нормы, то лишь потому, что боится наказания. Он как бы в вечном жестоким противоборстве с обществом, с теми или иными социальными институтами», у него «как видно, нет внутренних ограничений, можно сказать, что он лишен совести». Человек духовный – «это, если говорить кратко, по-старому, человек с совестью. Иначе говоря, со способностью различать добро и зло».

Каково же, по выражению В.Шубкина, «качество населяющей нашу страну популяции»? Это качество удручающе низко в результате организованной в стране «генетической катастрофы»: «По существу, был ликвидирован человек социальный, поскольку любая самостоятельная общественная жизнь была запрещена... Человек перестал быть даже «общественным животным». Большинство людей было обречено на чисто биологическое существование...

Человек биологический стал главным героем этого времени»⁶¹. Какой регресс, какая утрата связи с научным знанием!

Хорошо видна роль концепции общечеловеческих ценностей в установках наших реформаторов. По времени совпало так, что правящая верхушка СССР, а затем и РФ, сдавала страну, когда на Западе социал-демократия с ее умеренными кейнсианскими взглядами была оттеснена от власти неолиберальным крылом элиты. Так что наши реформаторы именно от неолибералов получили не только «задание» в виде программы МВФ, но и ее идеологическую основу – список «общечеловеческих ценностей». Он содержит специфические, даже уникальные требования к человеку и представления о «правильной жизни», характерные не вообще для капитализма и даже не для всего западного капитализма, а именно для его англо-американской составляющей, причем выраженной в очень жесткой форме.

Неолиберализм – жесткая, даже фундаменталистская версия универалистской доктрины о существовании единой для всего человечества лучшей модели жизнеустройства. На волне неолиберализма Запад победил СССР в «холодной войне», что на время послужило аргументом в пользу верности этой доктрины. В США даже возродился мессианский имперский дух, и они стали загонять непослушные народы на «столбовую дорогу» огнем и мечом.

Практический результат неолиберального догматизма наших реформаторов выражается в том, что они требуют от народов России принять этот перечень ценностей как обязательный «кодекс строителей капитализма». Это означало бы сломать, причем сразу, всю систему культурных устоев наших народов, что невозможно. Если бы у реформаторов хватило сил для проведения такой операции, это вызвало бы катастрофу, повлекшую моментальную гибель большой части населения. Для этого сил у них не хватает, дело ограничивается общим кризисом и вымиранием населения, хотя и довольно быстрым.

Однако здесь для нас важен тот факт, что никакое общество не может принять жизнеустройства, основные принципы которого противоречили бы наиболее глубоко укорененным, даже неосознаваемым ценностям («архетипам коллективного бессознательного»). Попытка навязать такую «реформу» политическими средствами ведет к провалу, а в крайнем случае и к физической гибели населения, как это произошло, например, с североамериканскими индейцами.

Опыт подобных реформ в разных частях мира, как успешных, так и катастрофических, описан настолько подробно, что надо поражаться упорству российской либеральной интеллигенции, которая не желает знать (или делает вид, что не знает) этого опыта. Вот уже 15 лет, как мы уперлись в катастрофический для нас вариант, и за него цепко держится не только шкурно заинтересованная в нем правящая верхушка, но и значительная часть образованного слоя – интеллигенции. В этих условиях катастрофа становится все более и более вероятной.

Но это – политика, вернемся к тому, как философское понятие воздействует на логику рассуждений. Слово «*общечеловеческий*» является жестким понятием. Оно обозначает не нечто «часто встречающееся» среди людей, а именно присущее *всем* людям – их родовую черту. Иными словами, всякое существо, не располагающее этой чертой, является выродком, оно не вполне принадлежит к человеческому роду. Эту важную установку подметил де Токвиль в США. Индейцев, которые не разделяли многие ценности англосаксов, последние уничтожали, нисколько не отступая от своих гуманистических принципов, ибо на индейцев не распространялось понятие прав человека.

Когда речь заводят об общечеловеческих ценностях, имеют в виду именно те ценности, которые занимают высшие места в иерархии ценностей и определяют профиль культурного ядра общества. Речь идет о ценностях, которые в конфликте «разных Я» берут верх или отступление от которых считается грехом и мучает совесть человека.

Адепты концепции общечеловеческих ценностей вовсе не отвергают ценностных различий разных культур и этносов, это было бы очевидно глупо. Просто они считают, что эти раз-

личия несущественны по сравнению с общим «общечеловеческим» ядром. Однако эта их утопическая уверенность, идущая от Просвещения, потерпела крах, весь XX век полон такими экспериментами. Способность отказаться от прежних утопических воззрений под давлением нового знания и опыта – важное качество рационального сознания. Превращение же в догму лишенных реальной сущности старых понятий – следствие гипостазирования.

Согласно современным представлениям, *естественного человека* не существует. Есть, конечно, человек как биологический вид, хорошо изучены анатомия и физиология человека, но как разумная и обладающая нравственностью личность человек формируется в конкретном культурном поле, в том обществе, в котором ему довелось родиться и жить. Обладая разумом, языком и воображением, человек оказался настолько пластичным и творческим, что человеческие коллективы (племена, народы, нации) стали создавать и развивать самобытные и непохожие друг на друга культуры и большие системы культур – цивилизации.

Сравнительное изучение разных культур (или одной культуры в разные эпохи) показывает, что никаких общечеловеческих ценностей нет и быть не может, что ценности не «записаны» в биологических структурах и не передаются по наследству («генетически»), а передаются из поколения в поколение через обучение самыми разными способами. При этом отдельные ценности обладают изменчивостью и могут существенно видоизмениться в течение жизни одного поколения, но их совокупность, «культурное ядро», обладает большой устойчивостью. Благодаря этой устойчивости народы, культуры и цивилизации существуют веками и даже тысячелетиями, сохраняя свою культурную самобытность.

Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Происходят гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. Очевидно, что исключающие друг друга ценности, определяющие отношение людей к одному и тому же объекту, не могут одновременно принадлежать к разряду «общечеловеческих». Если обе части расколотого общества верят в существование общечеловеческих ценностей, они в таком случае вынуждены считать противостоящую им сторону вырожденками, нелюдьми.

Признавая исторически данный, преходящий характер ценностей и в то же время считая возможным называть их «общечеловеческими», наша демократическая интеллигенция впала в неразрешимое противоречие. Ведь при этом неизбежно приходилось принять, что в каждый момент времени в мире должна существовать авторитетная инстанция, которая определяла бы, какие ценности в данный момент мы обязаны считать общечеловеческими. Причем продолжительность момента может быть произвольно малой. В 1943 г. немцы, которые уверовали в ценности фашизма, не были людьми, в 1945 г. они стали людьми, а русские, наоборот, после речи в Фултоне были вычеркнуты из числа людей, стали подданными «алчной, грязной, хищной азиатской деспотии» («империи зла»).

Кому же доверяют быть такой инстанцией, которая целые народы то включает в число людей, то называет изгоями? Заметьте, что общечеловеческими у нас называются ценности именно либеральные (гуманизм, демократия и пр.). Почему? Это даже не то, что «часто встречается». Либеральный образ мысли – редкий и неповторимый продукт культуры. Даже на Западе он не слишком распространен и прямо отвергается большинством человечества. Повторять список, составленный культурой небольшого меньшинства и придавать ему статус «общечеловеческого» – неразумно.

Из этого и вытекает фанатизм и идея «войны цивилизаций». Одно дело признавать право людей на различные и несоизмеримые системы ценностей и договариваться о приемлемом для всех поведении, как это было в России и СССР, а другое дело верить в то, что ты обладаешь «общечеловеческими» ценностями, а иные – не вполне люди (как это было в отношении индейцев).

Но принципиального сдвига в сознании со времен уничтожения индейцев не произошло. Посмотрите, как трактуют правящие круги США войну в Югославии и отделение Косово от Сербии. Н.Хомский приводит заголовок обзорной статьи в «New York Times» (4 апреля 1999 г.): «Новое столкновение Востока и Запада». Далее в этой программной статье сказано: «Демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов»⁶². Опять то же самое биологизаторство – гуманизм и демократичность суть *инстинкты*, природное качество западного человека, который и является «правильным» естественным человеком, носителем общечеловеческих ценностей. Православные сербы, напротив, этими инстинктами не обладают, их инстинктом является «варварская жестокость».

То, до чего договорились философы, это всего лишь выделить некоторый набор чаще всего присущих людям ценностей – *универсальный минимум*. И тут возникла заминка, поскольку обнаружилось, что этот минимум лучше удовлетворяется в нелиберальных государствах («традиционных обществах») – жизнь в них надежнее, безопаснее и духовно богаче. Ценности Запада являются в гораздо меньшей степени «общечеловеческими», чем ценности китайца, индуса или «совка». Существование какой-то устойчивой шкалы ценностей для всех времен и народов – идея не только ложная, но даже неправдоподобная.

Более того, господствующие в разных культурах ценности могут становиться в ходе развития, особенно под воздействием кризисов, не просто несовместимыми, но антагонистическими. На наших глазах либеральные США стали для Ирана «Шайтаном», а американские ученые-либералы развивают идею «войны цивилизаций». Это – реальность, как и реальностью стали девушки-террористки с «поясами шахидов».

А разве не реальностью были совсем недавно десятки миллионов разумных и образованных немцев, которые искренне уверовали в антигуманные и казавшиеся нам безумными ценности фашизма? И ведь речь идет о ценностях высшего ранга, за которые люди были готовы идти на смерть. Что в них можно усмотреть общечеловеческого? Даже те отношения, в которых большую роль играют биологические инстинкты (например, любовь к детям), различаются до неузнаваемости в разных культурах.

Приведу цитату одного из знатоков этой дискуссии Дж. Грея. Сам он привержен либеральному образу жизни, даже консерватор, однако считает, что неолиберализм наносит либерализму смертельный удар и сохраниться либеральный тип жизни может только отказавшись от претензии быть носителем мифических общечеловеческих ценностей. Он пишет: «Среди многих режимов или форм жизни, удовлетворяющих универсальному минимуму нравственных принципов, конфликты между несоизмеримыми принципами в рамках универсального минимума будут разрешаться различными способами, исходя из различных культурных традиций, и поскольку универсальный минимум ни в одном из своих вариантов не предопределяет какую-либо из либеральных форм жизни, многие режимы, удовлетворяющие критериям универсального минимума – возможно, подавляющее большинство режимов в истории человечества – не будут либеральными режимами. Эту истину отрицает классический либерализм, все разновидности которого утверждают, что требования справедливости в их либеральном понимании входят в рамки универсального минимума»⁶³.

Нас, конечно, прежде всего волнует вопрос о том, как попытка навязать нам ценности иной цивилизации повлияла на кризис сознания в России. Но ведь и Запад, где либеральные ценности официально признаны как «общечеловеческие», испытывает из-за этого углубляющийся кризис. Нам надо в него взглядеться, как в волшебное зеркальце.

Хуже всего дело обстоит, похоже, в США. Они пытались реализовать большой проект «сплавания» иммигрантов из множества народов в новую, созданную «инженерным» способом американскую нацию (это даже получило название «этнический плавильный тигель»). За идеологическую основу этой нации были приняты англосаксонские культурные ценности. Сей-

час признается, что эта попытка потерпела неудачу – индейцы вымерли, африканцы и латиноамериканцы сплавляться не желают и сохраняют защищающие их от сплавления культурные барьеры. Более того, при этой попытке сплавления в обществе возникло огромное число «мельчайших народов» – субкультур, сект, движений, коммун. Они разными способами подчеркивают свои отличия от других, культивируют свои «племенные» особенности.

Судя по многим сообщениям, основная культура пытается ответить на угрозу этого плюрализма путем релятивизации ценностей. Мол, все в каком-то смысле правы, и главное – терпимость («толерантность»). К чему свелась эта толерантность? К тому, что особенностям меньшинств стали придавать статус *прав*. Это – совсем другое дело, нежели *соглашение*. Соглашение видоизменяется по мере изменения жизни, а право, как ценность неотъемлемая, само формирует жизнь.

В качестве примера приводят гомосексуализм. Любовь к лицам того же пола для какой-то части общества есть жизненно важная ценность. Это реальность, и преследовать за это – «пережиток тоталитаризма в сознании людей». Но допущение гомосексуализма в обществе, где большинство не одобряет такой сексуальной ориентации, разумно делать предметом соглашения. Это, мол, уважаемые гомосексуалисты, ваше личное дело, но ведите себя согласно правилам приличия, принятым в нашем обществе, не раздражайте людей.

Другое дело, когда гомосексуализм возводится в ранг *прав человека*. Сразу же особенности этого меньшинства приобретают демонстративный и даже политический характер. Возникают организации, начинается пропаганда гомосексуализма в СМИ, в искусстве, даже в системе образования. В церкви начинают венчать пары гомосексуалистов, что наносит травму множеству верующих. Это мы видим в США, а теперь пробные шары запускаются и в РФ. В результате возведение ценностей специфического меньшинства в ранг прав (а значит, общечеловеческих ценностей) вместо соединения общества создает в нем новый очаг конфликта.

Кроме того, на этом пути невозможно остановиться, приходится откупаться от множества потенциально враждебных меньшинств непрерывно растущими льготами и фарисейскими уступками. Назревает крах всего цивилизационного устройства США. Признаки этого краха – бессмысленные во многих отношениях войны во Вьетнаме, Югославии и Ираке, не считая множества мелких войн и постоянного военного присутствия по всему миру. Признак краха – сама концепция «войны цивилизаций», кошмар терроризма, дети-убийцы и ощущение надвигающейся «молекулярной гражданской войны». Все это пока что компенсируется, и то с большим трудом, огромными финансовыми ресурсами, с помощью которых удастся смягчить обстановку, но вовсе не разрешать противоречия. А доведись им впасть сегодня в экономический кризис подобный нашему – какое зрелище мы бы увидели?

Это – типичный результат ценностного релятивизма как негодного средства примирить доктрину общечеловеческих ценностей с реальностью. Примирить их невозможно, ибо, как мы уже говорили, сосуществование несовместимых ценностей – неотъемлемая часть реальности. Если мы этого не можем признать и научиться справляться с этой сложной проблемой, общество неизбежно рано или поздно терпит крах, а перед крахом теряет творческий порыв. Нам, с нашим опытом Гражданской войны и краха советского строя, уже непростительно следовать за отжившими механистическими представлениями.

Надо сказать, что в скрытой форме утопия «естественного человека» и присущих ему ценностей присутствовала и в сознании советского общества. Эта утопия была отлична от либеральной, но также подрывала рациональность и сыграла роль парализующего гипноза. Иллюзия единства, всеобщей приверженности одним и тем же «естественным» ценностям демобилизовала сторонников советского строя. Они не могли признать и даже просто увидеть назревшего в обществе конфликта ценностей как разновидности социального конфликта. В песне, которая была чуть ли не гимном перестройки, говорится: «Вам не дано понять, что вдруг со мною стало». Так оно и было. Реальное и глубокое противоречие в обществе, которое

требовало осмысления и разрешения, воспринималось как капризы избалованной молодежи, как «пережитки прошлого» или результат западной пропаганды.

В советской версии догмы общечеловеческих ценностей «естественный человек» представлялся как существо коллективистское, проникнутое любовью к ближнему и к своей Родине, понимающее справедливость так же, как и старшее поколение с его общинным крестьянским мироощущением. При таком мышлении не было места ни диалогу, ни конструктивному и справедливому изменению жизнеустройства согласно новой структуре потребностей, ни поиску компромисса, ни даже эффективной борьбе посредством выявления и обнародования реальных притязаний либерального меньшинства. Догма «общечеловеческого характера советских ценностей» парализовала способность советской системы к познанию реальности и к адекватному ответу на вызовы – при объективном и вполне реальном перевесе ее сил над непримиримым антисоветским меньшинством.

Надо еще подчеркнуть тот факт, что вплоть до конца 80-х годов подавляющее большинство «инакомыслящих» в СССР вовсе не отрицали основополагающих принципов советского строя и желали лишь его «улучшения», «оздоровления», «укрепления» и пр. Плохо понимая природу советского строя, они, конечно, мечтали в том числе и об «улучшениях», несовместимых с его существованием. Но именно невозможность диалога привела к тому, что потенциально плодотворный конфликт ценностей был подавлен и, не давая выхода назревшим противоречиям, толкал инакомыслящих в ряды убежденных противников советского строя. Догматизм советского общественного сознания почти искусственно сформировал армию врагов советского строя при том, что их недовольство этим строем не было фундаментальным.

Еще более актуален вопрос о том, как догма общечеловеческих ценностей действует на сознание левопатриотической оппозиции сегодня. Если говорить в общем, то примерно также, как действовала на сознание сторонников советского строя до 1991 г. Значительная часть «красной» оппозиции представляет себе дело так, что вследствие предательства верхушки КПСС, вступившей в союз с Западом, к власти пришел оккупационный режим. Но народ «проснется», откуда-то придут Минин, Пожарский и товарищ Сталин, олигархи с чмодами умчатся в аэропорт Шереметьево, а народ, засучив рукава, начнет восстановительные работы, как после Великой Отечественной войны. Неявно предполагается, что в обществе снова возникнет «морально-политическое единство» на основе все той же советской шкалы ценностей, ибо она *естественна*.

Это – утопия, абсолютно нежизненная, из которой не может вырваться никакого политического проекта. Она ограниченно полезна только как источник слов и знаков, отрицающих ту разрушительную «реформу», что ведется под маской либерализма. Но реальной угрозы для реформаторов это отрицание не создает. Дееспособная оппозиция, объединившая критическую массу граждан, может возникнуть лишь на основе проекта, в котором люди увидят конструктивное разрешение тех противоречий, которые привели к кризису и падению советского строя. Но такого проекта не возникнет, пока части расколотого общества исповедуют ложную веру в общечеловеческие ценности – каждая часть в свои, «правильные» ценности.

Пока что признаков диалога, «зарастания» раскола, возникшего в отношении ценностей, не видно. В политической сфере, напротив, начиная с 1991 г. раскол углубился и оформился. Искусственная радикализация конфликта «реформаторами» привела к тому, что оппозиция оттолкнула от себя большую часть «демократов», которые вовсе не были противниками советского строя в фундаментальных вопросах и не являются сторонниками «партии Чубайса» сегодня. Это именно те люди, которые ожидали от перестройки строительства «обновленного социализма», но логика развития конфликта толкнула их к идеологам типа Явлинского или во «внутреннюю эмиграцию». Без восстановления союза с такими людьми и выработки общего с ними проекта выход из кризиса невозможен, но и эта совместная работа невозможна без перехода на новый уровень понимания нашего кризиса последних четырех десятилетий.

Иногда говорят, что возникла идеологическая терпимость, сотрудничество между коммунистами и православными – мол, закрываются многие старые трещины. Но это другая проблема. Кстати, шаги к идеологической терпимости наблюдаются только со стороны коммунистов. И это, похоже, пока что не плодотворное сотрудничество общностей с разными ценностями, а соблазн ценностного релятивизма, то есть размывания ценностей. Оно неизбежно ведет и к размыванию общности (например, коммунистов). Напротив, союз и сотрудничество разных общностей как раз требуют ценностной определенности, даже жесткости («чтобы объединиться, надо размежеваться»). Во время войны большевики и Церковь тесно сотрудничали, но и речи не было о том, чтобы заигрывать с иными ценностями и говорить, что «коммунизм – это почти то же самое, что и христианство». Ценностный релятивизм – это продукт кризиса, признак и одновременно источник слабости.

Утверждения, будто сотрудничество невозможно без некоторого «размывания» ценностей, без признания относительной правоты другого, принять нельзя, они не имеют ни исторических, ни логических оснований. Зачем признавать «правоту другого»? Прекрасный пример такого релятивизма дал Горбачев: «С одной стороны... с другой стороны...». Ведь чтобы признать правоту, требуются разумные доводы, но ценности тем и отличаются от цены, что их нельзя посчитать и нельзя логически обосновать. Мусульманин считает многоженство добром – должен ли христианин признать его правоту? Нет, конечно. Он просто должен признать существование мусульманства с его ценностями как часть реальности – и искать способ ужитья с мусульманами. Ужитья через поиск таких норм общежития, которые были бы приемлемы для обеих сторон. Как мы знаем, и в Российской империи, и в СССР такие нормы были найдены, хотя не все они были писаны на бумаге.

Чем раньше мы преодолеем соблазн гипостазирования и вернемся к простым и жестким понятиям, тем легче нам будет договориться друг с другом. Накопление ошибок и внутренних противоречий в потоке утверждений, льющемся на головы людей, перешло критический порог, и произошел «отказ рациональности». Нормы логики и здравого смысла перестали защищать людей от злонамеренной манипуляции их сознанием со стороны политических клик, использующих кризис в конъюнктурных целях. Обязанность интеллигенции – произвести честную и ответственную ревизию оснований и инструментов нашей привычной рациональности, привести их в соответствие с современным научным знанием и эмпирическим опытом XX века.

Глава 5 Некогерентность рассуждений и умозаключений

Глубокий кризис – тяжелое состояние общества, болезнь всех его систем. Тот кризис, в который впала Россия в конце 80-х годов, не имеет аналогов в истории по своей глубине и продолжительности. И признаком, и важной причиной такого кризиса является странное оглупление элиты общества, его правящего слоя и приказчиков этого правящего слоя – всяких дьяков, министров, газетчиков и пр. Они вдруг как будто потеряли способность к здравым рассуждениям и разумным умозаключениям.

Многие даже подозревают, что на самом деле они симулянты и просто прикидываются, чтобы сбить с толку людей. Такое подозрение имеет под собой почву, потому что как раз в обстановке смуты вся эта публика ухитряется сколотить большие и необъяснимые состояния, а какой-нибудь телеведущий получает оклад в 300 раз больший, чем профессор МГУ – только за то, что каждый вечер несет полную ахинею. Как тут не быть кризису, ведь в нынешнем городском обществе подобных насекомых хоть пруд пруди, и они с такими окладами и гонорами в конвертах просто высасывают все соки из хозяйства.

Но все же главный вред они наносят не тем, что высасывают соки, а тем, какой яд они впрыскивают, когда присасываются к нашему сознанию. Они заражают нас этой рваной логикой, смешением понятий и бессмыслицей. Наш ум увязает во всем этом, как лошадь в болоте, которую тут же облепляет гнус. Пока мы это не преодолеем, ни о каком выходе из кризиса не может быть речи. Первое условие – здравый смысл и трезвый ум. У нас же происходит то, что историк А.Тойнби считал одним из худших заболеваний цивилизации – когда правящая элита, стремясь оглушить массы, сама отравляется своим ядом и даже начинает верить в мифы, с помощью которых она дурачила людей. Тогда, как писал Тойнби, наступает «ад крошечный». У нас до этого пока не дошло, потому что разум масс оказался устойчивее, чем предполагалось.

Одним из главных признаков рационального мышления является *связность*, внутренняя *непротиворечивость* умозаключений. Речь идет не о том, чтобы рассуждения не включали в себя диалектических противоречий, а о необходимости выстраивать такую цепочку логических шагов, чтобы одно звено умозаключения было *соизмеримо* с другими, могло взаимодействовать с ними, образуя систему. Это обеспечивается совместимостью и соизмеримостью использованных понятий и отсутствием разрывов в логике.

Утверждения, высказанные на языке несоизмеримых понятий и с провалами в логике, не связываются в непротиворечивые умозаключения. Они *некогерентны* (*incoherent*). Я ввел это латинское слово потому, что самым точным русским аналогом было бы длинное выражение, примерно такое: «рассуждения, в которых концы с концами не вяжутся». Эта некогерентность проявляется на всех уровнях нашей политической элиты – и дальше вниз, в массы.

Иногда несвязность рассуждения вызвана нарушением какой-то одной логической нормы, подменой понятия или резким искажением меры. Но во многих случаях нарушается целый комплекс принципов рационального рассуждения. Во введении приведены четыре составляющих рациональности, которые предлагает различать Г.Хьюбер: логическая, эмпирическая, оперативная и нормативная. Они должны действовать, независимо от содержания высказывания. В множестве рассуждений политиков и идеологов перестройки отсутствовали все эти составляющие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.